

Бестселлер *New York Times*

Один из самых интересных романов
о драконах, которые я читал!
Кристофер Паолини,
автор бестселлера «Драгон»

Серафима

РЭЙЧЕЛ ХАРТМАН

18+

Мир Горедды

Рейчел Хартман

Серафина

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хартман Р.

Серафина / Р. Хартман — «Эксмо», 2012 — (Мир Горедды)

ISBN 978-5-04-105518-9

Лучшая молодежная книга года по версии «Kirkus Reviews» Лучшая молодежная книга года по версии «School Library Journal» Премия Уильяма Морриса за лучший дебютный роман для молодежи Премия Sybil за лучшее молодежное фэнтези Серафина – полукровка и наполовину дракон. Мать девушки нарушила древний закон, выйдя замуж за человека. В мире, где людям и драконам запрещено испытывать друг к другу чувства, – это страшное преступление. Драконы презирают людской род. А проявление любви считают и вовсе слабостью. Раздираемая противоречиями, ведущая двойную жизнь Серафина понимает, что только ей под силу положить конец вековой вражде людей и драконов. И для этого девушка не пожалеет буквально ничего...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105518-9

© Хартман Р., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Персонажи	6
Пролог	8
1	11
2	15
3	23
4	32
5	44
6	50
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Рэйчел Хартман Серафина

Rachel Hartman

SERAPHINA

Copyright © Rachel Hartman, 2012

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Серия «Young Adult. Бестселлеры»

© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*В память о Майкле МакМекане
Дракону, учителю, другу*

Персонажи

Дом Домбегов

Серафина Домбег – наша очаровательная героиня, часто называемая Финой.

Клод Домбег – ее отец, юрист, хранящий тайну.

Амалин Дуканахан – фальшивая мать Фины.

Линн – настоящая мать Фины, увы.

Орма – таинственный ментор Фины.

Зейд – бывшая учительница Фины, дракон.

Энн-Мари – не такая уж злая мачеха Фины.

Тесси, Жанна, Пол и Недвард – относительно злые сводные сестры и братья Фины.

Королевская семья Горедда

Королева Лавонда – монарх, который контролирует драконов.

Принц Руфус – единственный сын королевы, таинственно убит.

Принцесса Дион – хмурая дочь королевы, первая в очереди наследников на трон.

Принцесса Глиссельда – веселая дочь принцессы Дион, вторая в очереди наследников на трон.

Принцесса Лорель – дочь королевы, погибшая после побега.

Принц Люсиан Киггз – к стыду принцессы Лорель, ее бастард, жених принцессы Глиссельды, капитан королевской стражи, обладатель слишком многих характеристик.

При дворе

Виридиус – вспыльчивый придворный музыкант.

Гунгард – профессиональный музыкант.

Щуплый игрок на сакбуге – именно тот, кого вы представляете.

Леди Мелифрен – любимая придворная дама принцессы Глиссельды, называемая Милли.

Леди Коронги – гувернантка принцессы Глиссельды, старый деспот.

Дама Окра Кармин – нинийский посол, старая дорогуша.

Джозеф, граф Апсига – лордик Самсама.

Регент Самсама – регент Самсама.

Граф Пезавольта – правитель Ниниса.

Наши друзья-драконы

Ардмагар Комонот – лидер драконов.

Посол Фульда – дракон с наилучшими манерами.

Заместитель секретаря Эскар – лаконичная заместительница командира.

Базинд – новокожий.

Благородные изгнанные рыцари

Сэр Карал Халфхолдер – повинуется закону, даже если адские демоны – нет.
Сэр Кутберт Петтибоун – его товарищ, не такой юморист.
Сэр Джеймс Пискод – когда-то отличавший генерала Ганна от генерала Гонна.
Сквайр Маурицио Фоуфо – один из последних практиков дракомахии.
Сквайр Пендер – второй оруженосец.

В городе

Сыновья святого Огдо – недовольные договором.
Ларс – гений за часами.
Томас Бродвик – торговец тканью.
Сайлас Бродвик – причина, по которой торговцы называют себя «Братья Бродвик. Торговцы тканями».
Абдо – танцор в пигегирийской труппе.
Пигегирийская труппа – остальная их часть.

В голове Фины

Фруктовая Летучая Мышь – тот, кто забирается на деревья.
Человек-пеликан – делает удивительное «удивительным».
Мизерер – пернатый.
Тритон – барахтающийся.
Громоглас – шумный.
Джаннула – чересчур любопытная себе же во вред.
Мисс Суетливость – капризная.
Пандовди – болотное существо.
Наг и Нагини – быстрые близнецы.
Гаргойелла и Зяблик – упомянутые мельком.
Еще пятеро – будут названы в следующих изданиях.

В Легендах и Вере

Королева Белондвэг – первая королева объединенного Горедда, герой национального эпоса.
Пау-Хеноа – ее компаньон, хитрый кролик, также известный как Безумный Король и Хен-Ви.
Святая Капити – покровительница Фины, олицетворяющая жизнь разума.
Святая Йиртрудис – пугающая еретичка, другая покровительница Фины, увы.
Святая Клэр – глубокомысленная дама, покровительница принца Люсиана Киггза.

Пролог

Я помню свое рождение.

На самом деле, помню время и до него. Света не было, но звучала музыка: трещали суставы, стремительно неслась кровь, сердце пело отрывистую колыбельную. Помню насыщенную симфонию несварения. Звук окружал меня, и я была в безопасности.

А потом мой мир разорвался, и меня выпихнули на холодный тихий яркий свет. Я пыталась заполнить пустоту криками, но пространство было слишком большим. Я сердилась, но вернуться назад было нельзя.

Больше мне не удастся вспомнить ничего. Я была ребенком, пусть и необычным. Кровь и паника мало что для меня значили. Я не помню ужаса повитухи, не помню, как плакал мой отец или как священник читал успокоительную молитву над телом моей матери.

Моя мать наградила меня тяжелой ношей наследия. Отец скрывал жуткие вещи от всех, и я не была исключением. Мы все переехали в Лавондавил, столицу Горедда, где отец продолжил заниматься юриспруденцией, словно ничего не произошло. Он создал иллюзию более подходящей ему мертвой жены. Я верила в нее, как некоторые верят в Небеса.

Я была требовательным ребенком. Я не сосала молоко, если кормилица не попадала в ноты.

– У него тонкий слух, – замечал Орма, высокий, угловатый знакомый моего отца, который часто приходил в те дни. Орма называл меня «оно», словно я была животным. А меня притягивала его отчужденность, как кошек тянет к людям, которые скорее бы избегали их.

Однажды весенним утром он сопровождал нас в собор, где молодой священник помазал мои короткие волосенки лавандовым маслом и сообщил, что я королева, признанная Небесами. Я ревела, как любой уважающий себя ребенок, и мои крики эхом отражались от стен неффа. Не поднимая взгляда от работы, которую принес с собой, мой отец пообещал воспитывать меня смиренной в вере всех святых. Священник дал мне псалтырь моего отца, и я уронила его, прямо там. Книга упала и открылась на иконе святой Йиртрудис, чей лик был неразличим.

Священник поцеловал костяшки своей руки, оставив мизинчик.

– В вашем псалтыре еретичка!

– Это очень старый псалтырь, – сказал папа, не поднимая глаз, – и я ненавижу портить книги.

– Мы советуем верующим-библиофилам склеивать страницу с Йиртрудис со следующей, чтобы не совершать таких ошибок. – Священник перевернул страницу. – Небеса совершенно точно намекали на святую Капити.

Папа пробормотал что-то о суеверных фальшивках достаточно громко, чтобы священник услышал. Между отцом и священником разгорелся яростный спор, но я не помню его. Я зачарованно смотрела на процессию монахов, идущую по неффу. Они мягко ступали по залу и с шелестом темных мантий и щелчками четок заняли свои места в хоровом ансамбле. Сиденья заскрежетали, несколько монахов откашлялось.

И они начали петь.

Собор дрожал от мужских голосов и словно ширился на глазах. Солнце сияло сквозь высокие окна, золотой и красный расцветали на мраморном полу. Музыка придала сил моему маленькому телу, наполнила и окружила меня, сделала меня больше. Это был ответ на вопрос, который я никогда не задавала вслух: как заполнить ужасную пустоту, в которую меня вытолкнули на свет? Я верила – нет, я знала, – что могу пересечь пространство и коснуться сводчатого потолка рукой.

Я попыталась это сделать.

Моя няня взвизгнула, когда я чуть не вырвалась из ее рук, и неловко схватила меня за лодыжку. Я смотрела на пол, и у меня кружилась голова. Он словно наклонялся и крутился.

Отец поднял меня, обхватив длинными руками мое пухлое тело, и держал на вытянутых руках, рассматривая, словно необыкновенно большую и удивительную лягушку. Я заглянула в его серые, как море, глаза, от уголков которых расходились печальные морщинки.

Священник выбежал, так и не благословив меня. Орма наблюдал, как он исчезает за углом Золотого Дома, а потом сказал:

– Клод, объясни мне. Он ушел, потому что ты убедил его в том, что его религия – подделка? Или он... как это называется? Оскорбился?

Мой отец словно не слышал вопроса, что-то во мне привлекло его внимание.

– Посмотри в ее глаза. Я мог бы поклясться, что она понимает нас.

– Для ребенка у него ясный взгляд, – сказал Орма, поправляя очки и всматриваясь в меня. У Орма, как и у меня, глаза были темно-карими, но в отличие от моих они оставались далекими и непостижимыми, как ночное небо.

– Я не был готов к такому, Серафина, – тихо сказал папа. – Возможно, я никогда не буду готов, но я верю, что справлюсь с этим. Мы должны найти способ стать друг для друга семьей.

Он поцеловал мою покрытую пушком голову. Раньше он такого не делал. Я смотрела на него в восхищении. Жидкие голоса монахов окружали нас и держали всех троих вместе. На одно чудесное мгновение я ощутила то первородное состояние, которое потеряла, появившись на свет: все было, как должно было быть, и я находилась именно там, на своем месте.

А потом оно исчезло. Мы прошли через бронзовые ворота собора с рельефным орнаментом, музыка затихала позади. Орма устремился через площадь, не попрощавшись. Его плащ развевался за ним, и мужчина был подобен огромной летучей мыши. Папа передал меня няне, плотнее запахнул плащ и наклонился вперед, преодолевая встречные порывы ветра. Я кричала, звала его, но он не обернулся. Над нами аркой простиралось небо, пустое и очень далекое.

Суеверная фальшивка религия или нет, а послание псалтыря было ясным: *«Правду раскрывать нельзя. Но есть подходящая ложь»*.

И дело не в том, что святая Капити – пусть сохранит меня в своем сердце – была плохой заменой Йиртрудис. На самом деле она была поразительно подходящей. Святая Капити несла в руках собственную голову на блюде, как жареного гуся, и дерзко взирала на меня со страницы псалтыря, словно приглашая бросить ей вызов. Она отождествляла силу разума, отсеченную от грязных помыслов тела.

Я ценила это деление, пока росла и наблюдала за своим телом, но уже в юном возрасте я проявляла наивное сочувствие к святой Капити. Кто полюбит человека без головы? Как она может совершить что-нибудь значимое, если ее руки заняты тарелкой? Были ли люди, которые принимали ее и называли своим другом?

Папа позволил няне склеить страницу святой Йиртрудис с Капити. Бедняжка не могла спокойно жить в нашем доме, пока этого не сделали. Я так и не увидела еретичку. Когда я подносила страницу к свету, то могла разобрать силуэты обеих святых, смешавшихся в одну чудовищную фигуру. Протянутые руки святой Йиртрудис выходили из спины святой Капити, словно пара никчемных крыльев. Голова Йиртрудис тенью высилась на том месте, где должна была находиться голова Капити. Это была двойная святая для моей двойной жизни.

Моя любовь к музыке наконец выманила меня из безопасного пространства отцовского дома, увлекая в город, к королевскому двору. Я ужасно рисковала, но не могла поступить иначе. Тогда я не осознавала, что на блюде перед собой я несу одиночество, а музыка станет сиянием, подсвечивающим сзади мой силуэт.

1

В центре собора стояла модель Небес, именуемая Золотым Домом. Его крыша раскрывалась, словно цветок, там располагалось пространство с человеческий рост, где лежало тело бедного принца Руфуса в золотых и белых одеяниях. Его ступни покоились на благословенном пороге Дома, а голова – в гнезде из позолоченных звезд.

По крайней мере, так должно было быть. Убийца принца Руфуса обезглавил его. Стража обыскала лес и болотистую местность поблизости в напрасных поисках головы принца. Его придется хоронить без нее.

Я стояла на ступенях хорового ансамбля, наблюдая за похоронами. С высокой кафедры епископ молился у Золотого Дома о королевской семье и благородных скорбящих, наполнивших сердце церкви. За деревянным ограждением остальные скорбящие заполняли подобный пещере неф. Когда епископ закончит молитву, я должна буду сыграть «Обращение к святому Юстасу», который уводил души к Небесным Ступеням. Я покачулась, когда голова закружилась от ужаса, словно меня попросили сыграть на флейте на обдуваемом всеми ветрами утесе.

В действительности меня вообще не просили играть. Меня не было в программе. Я пообещала папе, когда уезжала, что не буду выступать на публике. Я слышала «Обращение...» раз или два, но раньше никогда его не исполняла. Это была даже не моя флейта.

Но первый солист сел на свой инструмент и испортил его, заменяющий слишком много выпил за упокой души принца Руфуса и теперь страдал от своего поступка во дворе монастыря. Второй замены не было. А похороны будут испорчены без «Обращения...». Я отвечала за музыку, так что с этим пришлось разбираться мне.

Молитва епископа затихала, он описал великий Небесный Дом, обитель всех святых, где все мы однажды будем жить в вечном счастье. Он не перечислял исключений, ему и не нужно было. Мой взгляд против воли обратился к послу драконов и контингенту большей части его представительства, сидевшим позади аристократов, но перед обычным сбродом, – драконам. Они были в своих саарантраи – человеческих обличиях, – но их легко можно было узнать даже с такого расстояния по серебряным колокольчикам на плечах, пустым сиденьям вокруг и нежеланию склонять голову во время молитвы.

У драконов нет души. Никто не ждал от них набожности.

– Да будет так всегда! – пел епископ. Это был сигнал для моего выступления, но в тот самый момент я заметила отца в переполненном нефе за барьером. У него было похуевшее бледное лицо. Я слышала в голове слова, которые он произнес в день, когда я отправилась ко двору всего две недели назад: *«Ни при каких обстоятельствах не привлекай к себе внимания. Если не будешь заботиться о своей безопасности, то, по крайней мере, помни, что мне есть что терять!»*

Епископ прочистил горло, но мои внутренности словно заledenели, и я едва могла дышать.

Я огляделась в отчаянии, пытаюсь на чем-то сосредоточиться.

Мой взгляд упал на королевскую семью: три поколения сидели перед Золотым Домом, словно траурный портрет. Седые локоны королевы Лавонды рассыпались по плечам, ее водянисто-голубые глаза покраснели от слез, пролитых по сыну. Принцесса Дион сидела прямо и пристально смотрела вперед, словно планируя, как отомстит убийцам своего младшего брата или самому Руфусу за то, что не дожил до сорока. Принцесса Глиссельда, дочь Дион, положила свою золотую головку на плечо бабушки, чтобы утешить ее. Принц Люсиан Киггз, кузен Глиссельды и ее жених, сидел отдельно от семьи и смотрел вперед невидящим взглядом. Он не был сыном принца Руфуса, но выглядел таким же пораженным и убитым горем, как будто потерял отца.

Им нужен был Небесный покой. У меня не хватало познаний о святых, но я знала о грусти и о том, что музыка могла быть лучшим бальзамом от нее. Я могла подарить им это утешение. Я поднесла флейту к губам, а глаза подняла к сводчатому потолку и заиграла.

Я начала слишком тихо, не уверенная в мелодии, но ноты словно сами находили меня, и моя уверенность росла. Я выпустила из себя музыку, и она полетела, словно голубь, в пространство нефа, сам собор придал ей новую насыщенность и что-то отдал взамен, словно это великое строение тоже было частью моего инструмента.

Существуют мелодии, которые так же красноречивы, как и слова, что сотканы последовательно и неизбежно из чистой эмоции. «Обращение...» – одна из таких. Казалось, словно композитор пытался дистиллировать чистейшую эссенцию скорби и сказать: «Вот что значит кого-то потерять».

Я повторила «Обращение...» дважды, не желая его отпускать, окончание мелодии ощущалось как еще одна значимая потеря. Я освободила последнюю ноту, напрягла слух, чтобы уловить последнее затихающее эхо, и почувствовала, что готова рухнуть в изнеможении. Аплодисментов не будет, как и должно при таком событии, но сама тишина оглушала. Я взглянула на поляну лиц, через собравшихся аристократов и других высоких гостей, на толпу простолюдинов за барьером. Никакого движения не было, только драконы неловко ерзали на своих местах, и Орма, прижавшийся к перилам, нелепо махал мне своей шляпой.

Я слишком устала, чтобы решить, что из этого больше смутило меня. Я склонила голову и ушла.

Я стала новым ассистентом придворного композитора и победила двадцать семь других музыкантов, от путешествующих трубадуров до признанных мастеров, чтобы получить эту должность. Я была сюрпризом: никто в консерватории не обращал на меня, протее Ормы, внимания. Орма занимал низкое положение учителя музыкальной грамоты и не был настоящим музыкантом. Он вполне неплохо играл на клавесине, поскольку играл сам инструмент, если только бить по правильным клавишам. Орме не хватало страсти и музыкальности. Никто не ожидал от его ученицы чего-то выдающегося.

Моя анонимность была нарочитой. Папа запретил мне дружить с другими учениками и учителями. Я понимала это, хотя и была одинока. Отец не запрещал мне открыто проходить собеседование на работу, но я отлично знала, что это ему не понравится. Такова была наша обычная жизнь: он устанавливал узкие рамки, а я подчинялась, пока могла. Всегда именно музыка толкала меня за пределы того, что он считал безопасным. И все же я не предвидела глубину и размах его ярости, когда он узнал, что я покидаю дом. Я знала, что за его гневом в действительности скрывался страх за меня, но от этого легче не становилось.

Теперь я работала на Виридиуса, придворного композитора со слабым здоровьем, нуждающегося в помощнике. Сороковая годовщина соглашения между Гореддом и драконами стремительно приближалась, и сам Ардмагар Комонот, великий генерал драконов, приедет на празднование всего через десять дней. Виридиус отвечал за концерты, балы и другие музыкальные развлечения. Я должна была прослушивать исполнителей, создавать музыкальные программы и преподавать принцессе Глиссельде уроки игры на клавесине, которые Виридиус считал скучными.

Две первые недели я была занята этим, но внезапные похороны добавили работы. Болезнь Виридиуса разыгралась, поэтому вся музыкальная программа легла на мои плечи.

Тело принца Руфуса перенесли в склеп, куда за ним последовала только королевская семья, духовенство и самые важные гости. Соборный хор спел «Отбытие», и толпа начала расходиться. Я, пошатываясь, вернулась к алтарю. Я никогда не выступала перед публикой, только перед одним-двумя людьми, и не ожидала такого волнения до выступления и такого изнеможения после.

Святые на Небесах, я словно стояла голая перед всем миром.

Я бродила, поздравляя музыкантов и наблюдая за сборами. Гунтард, мой ассистент, подбежал ко мне сзади и положил руку мне на плечо, что совсем мне не понравилось.

– Учительница музыки! Это было более чем красиво!

Я устало поблагодарила юношу, кивая и отступая от него.

– С вами хочет встретиться какой-то старик, – продолжил Гунтард. – Он появился во время вашего соло, но мы отослали его прочь. – Он указал вверх по апсиде к часовне, где ждал пожилой мужчина. Его темная кожа говорила о том, что он прибыл из далекой Порфири. Его седеющие волосы были заплетены в аккуратные косички, а на лице виднелись морщинки от улыбок.

– Кто он? – спросила я.

Гунтард презрительно встряхнул своими подстриженными под горшок волосами.

– У него куча танцоров пигегирии и безумная мысль, что мы захотим, чтобы они танцевали на похоронах. – Губы Гунтарда изогнулись в улыбке, осуждающей и завистливой, какая появляется у жителей Горреда, когда они говорят о декадентах-иностранцах.

Я бы никогда и не подумала вставить пигегирию в программу. Мы, горредийцы, не танцуем на похоронах. Но я не могла позволить ухмылке Гунтарда остаться без ответа.

– Пигегирия – древний и чтимый танец в Порфири.

Гунтард фыркнул.

– Пигегирия переводится как «тряска задницей»! – Он нервно глянул на святых в их альковах, заметил, что некоторые из них хмурились и набожно поцеловали свои костяшки. – В любом случае его трупша в монастыре смущает монахов.

Моя голова начинала болеть. Я передала Гунтарду флейту.

– Верни это хозяину. И отошли танцоров – вежливо, пожалуйста.

– Вы уже уходите? – спросил Гунтард. – Мы тут хотим отправиться в «Солнечную обезьяну». – Он положил ладонь мне на руку.

Я замерла, пытаясь справиться с импульсом оттолкнуть его и сбежать. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Спасибо, но не могу, – ответила я, снимая его руку со своей, надеясь, что он не обидится.

Судя по выражению его лица, Гунтард все же немного был обижен.

Это была не его вина. Он считал, что я обычный человек, чьей руки можно касаться безнаказанно. Я так хотела завести друзей на работе, но напоминание всегда следовало за мной, как ночь за днем: я никогда не могла полностью остаться без защиты.

Я повернулась к хору, чтобы забрать свой плащ. Гунтард пошаркал прочь выполнять мою просьбу. Позади меня пожилой мужчина крикнул:

– Леди, подождите! Абдо пришлось проделать весь этот путь, чтобы увидеть вас!

Я смотрела прямо вперед, быстро поднимаясь по ступеням и стараясь исчезнуть из виду.

Монахи закончили исполнять «Отбытие» и начали сначала, но неф все еще был наполону полон. Никто, казалось, не хотел уходить. Принц Руфус был популярен. Я едва его знала, но он говорил с добротой и искрой в глазах, когда Виридиус представил меня ему. Он сам был искрой для половины города, судя по задержавшимся горожанам, переговаривающимся шепотом и качающим головами в неверии.

Руфуса убили во время охоты, и королевская стража не нашла ни единой зацепки, указывающей на преступника. Некоторые считали, что пропавшая голова говорила о драконах. Я думала, что саарантраи, пришедшие на похороны, слишком хорошо это понимали. Осталось всего десять дней до приезда Ардмагара и четырнадцать дней до годовщины перемирия. Если дракон убил принца Руфуса, то это было сделано в ужасно неподходящее время. Наши граждане уже и так нервничали из-за всего, связанного с драконами.

Я пошла по южному проходу, но дверь была перекрыта какой-то конструкцией. Куча деревянных и металлических труб занимала половину коридора. Я настороже продолжала идти по нефу к большим дверям, вдруг мой отец устраивает мне засаду за колонной.

– Спасибо вам! – закричала пожилая женщина, когда я проходила мимо. Она прижала руки к груди. – Меня еще ничто так не трогало.

Я сделала книксен¹, проходя мимо, но ее энтузиазм привлек внимание других стоящих поблизости придворных.

– Превосходно! – услышала я.

– Восхитительно!

Я благодарно кивала и пыталась улыбаться, уворачиваясь от рук, тянувшихся ко мне. Я выбралась из толпы, и моя улыбка была такой же жесткой и пустой, как у саарантраса.

Я подняла капюшон плаща, проходя мимо группки граждан в домотканых белых туниках.

– Я похоронил больше людей, чем могу подсчитать – они все сидят за столом на Небесах, – произносил важный член гильдии в белой фетровой шляпе. – Но я не видел Небесных Ступеней до этого дня.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то так играл. Было не совсем женственно, как вы думаете?

– Возможно, она иностранка. – Они засмеялись.

Я крепко обхватила себя руками и ускорила шаг, устремляясь к большим дверям, целуя костяшки, глядя на Небеса, потому что так поступают, покидая собор, даже когда этот человек... я.

Я вырвалась на тусклый дневной свет, наполнив легкие холодным чистым воздухом, чувствуя, как напряжение спадает. Зимнее небо было ослепительно-белым, отбывающие скорбящие рассыпались, как листья на пронизывающем ветру.

Лишь тогда я заметила, что на ступенях собора ожидает дракон, одаряя меня своей лучшей улыбкой настоящего человека. Никто бы в мире не посчитал напряженное выражение лица Ормы теплым, кроме меня.

¹ Книксен (нем. knicksen – «кланяться») – поклон с приседанием как знак приветствия, благодарности со стороны лиц женского пола.

2

Будучи ученым, Орма не был обязан носить колокольчики, поэтому мало кто знал, что он дракон. У него, конечно, находились свои причуды: он никогда не смеялся, он мало что понимал в моде, манерах или искусстве, у него была тяга к сложной математике и тканям, от которых не чесалась кожа. Другой саарантрас узнал бы его по запаху, но не у многих людей был такой острый нюх, чтобы заметить саара, или столько навыков, чтобы опознать, чей запах они чувствуют. Для остального Горедда он был просто человеком: высоким, тощим, бородатым и в очках.

Борода была фальшивой, я стащила ее однажды, когда была ребенком. Мужчины-саарантраи сами по себе не могли отращивать бороды – особенность трансформации, как и их серебряная кровь. Орме не нужны были волосы на лице, чтобы походить на человека. Думаю, ему просто нравилось, как она смотрелась.

Он помахал мне своей шляпой, словно я могла не заметить его.

– Ты все еще торопишься в глоссандо, но, кажется, наконец овладела горловым фрулатто, – сказал он, отбрасывая приветствия. Драконы не видят в них смысла.

– Я тоже рада тебя видеть, – сказала я, а потом пожалела о сарказме в своем голосе, хотя он и не заметил его. – Я рада, что тебе понравилось.

Он прищурился и склонил голову на одну сторону, как делал, когда знал, что упускает какую-то важную деталь, но не мог понять, какую именно.

– Ты считаешь, что я должен был сначала сказать «привет»? – попробовал он угадать.

Я вздохнула:

– Думаю, я слишком устала, чтобы переживать из-за того, что моя техника исполнения не была идеальной.

– Именно этого я никогда и не понимал, – сказал он, качая фетровой шляпой передо мной. Кажется, он забыл, что ее надо носить на голове. – Если бы ты сыграла идеально – как мог бы саар, – ты бы так не повлияла на своих слушателей. Люди плакали, и не потому, что ты иногда напеваешь себе под нос, когда играешь.

– Ты шутишь, – сказала я в ужасе.

– Это создает интересный эффект. Большую часть времени напев был гармоничным, на четвертой и пятой октаве, а затем ты бросалась в диссонирующую седьмую. Почему?

– Я не знала, что напеваю!

Орма внезапно глянул вниз. Маленькая девочка, похоронная туника которой была белой только в ее душе, требовательно тянула за короткий плащ Ормы.

– Я привлекаю маленьких детей, – пробормотал Орма, теребя шляпу в руках. – Прогони его, ладно?

– Сэр? – сказала девочка. – Это для вас. – Она сунула свою маленькую ручку в его.

Я заметила блеск золота. Что за безумие, нищенка дает Орме монету?

Орма уставился на предмет в своей руке.

– С ней было передано какое-то сообщение? – Его голос сорвался, когда он заговорил, и я ощутила холодок. Это были эмоции, совершенно точно. Раньше я не замечала за ним такого.

– Эта монета – сообщение, – повторила девочка по памяти.

Орма поднял голову и огляделся, его глаза пробежали от больших дверей собора, по ступеням, по заполненной людьми площади, через Соборный мост, вдоль реки и назад к нам. Я тоже рефлекторно осмотрелась, не понимая, что мы ищем. Закатное солнце горело над верхушками крыш, толпа собралась на мосту, кичливые Часы Комонота на другой стороне площади показывали «десять дней», голые деревья вдоль реки раскачивались на ветерке. Больше я ничего не заметила.

Я снова посмотрела на Орму, который теперь осматривал землю, словно что-то уронил. Я решила, что он потерял монетку, но нет.

– Куда она ушла? – спросил он.

Девочка исчезла.

– Что она тебе отдала? – спросила я.

Он не ответил, осторожно спрятав предмет за шерстяной камзол для похорон, мой взгляд скользнул по шелковой рубашке под ним.

– Ладно, – сказала я, – можешь не отвечать.

Он казался озадаченным.

– У меня нет намерений не рассказывать тебе.

Я медленно вздохнула, пытаясь не сердиться на него. В это самое мгновение на Соборном мосту началась потасовка. Я глянула в сторону криков, и мой желудок болезненно сжался: шесть человек с черными перьями на шляпах – сыновья святого Огдо – встали полукругом у какого-то бедняги рядом с перилами. Люди слетались на шум со всех сторон.

– Давай вернемся обратно в здание, пока все не затихнет, – сказала я, хватая Орму за рукав на секунду позже, чем было нужно. Он заметил, что происходит, и стал быстро спускаться по ступенькам к толпе.

Парень, прижатый к перилам моста, был драконом. Я заметила серебряный блеск колокольчика со ступеней собора. Орма пробирался через толпу. Я пыталась держаться ближе к нему, но кто-то толкнул меня, и я вылетела вперед, туда, где сыновья Огдо размахивали дубинками перед съезжившимся саарантрасом. Они повторяли слова Проклятия святого Огдо против Зверя: «Да будут прокляты твои глаза, червь! Прокляты твои руки, твое сердце, твое потомство до конца дней! Все святые проклинают тебя, глаз Небес проклинает тебя, каждая твоя змеиная мысль да обратится для тебя проклятием!»

Мне стало жаль дракона, когда я увидела его лицо. Он был юным новокожим, худощавым и растрепанным, с пустым взглядом, весь состоящий из острых углов. На его желтоватой щеке вздулась серая шишка.

Толпа выла за моей спиной, как волк, готовый наброситься на любые кровавые кости, брошенные сыновьями. Двое вытащили нож, третий достал из кожаного жилета цепь. Он угрожающе раскачивал ею позади себя, словно хвостом, так что она клацала по брусьчатке моста.

Орма пробрался вперед, чтобы его увидел саарантрас, и показал на серьги, чтобы напомнить ему, что нужно делать. Новокожий не шевельнулся. Орма потянулся к одной из своих и активировал ее.

Серьги драконов были чудесными изобретениями, помогающими им видеть, слышать и переговариваться на расстоянии. Саарантрас мог позвать на помощь, или за ним таким образом могли присматривать старшие. Однажды Орма разобрал серьги, чтобы показать мне: это всего лишь механизм, но большинство людей считало, что они от лукавого.

– Ты откусил голову принцу Руфусу, червь? – крикнул один из сыновей, мускулистый лодочник. Он схватил новокожего за тонкую руку, словно хотел ее сломать.

Саарантрас извивался в своей плохо сидящей на нем одежде, а сыновья отпрыгнули, словно крылья, рога и хвост могли вырваться из его кожи в любую секунду.

– Соглашение запрещает нам откусывать людям головы, – сказал новокожий. Его голос напоминал скрип ржавой дверной петли. – Но я не стану притворяться, что забыл, каковы они на вкус.

Сыновья были рады любому поводу для избиения, но этот оказался столь ужасен, что на мгновение они оцепенели.

Потом с жутким ревом толпа ожила. Сыновья кинулись на новокожего, толкнув его на перила. Я заметила рану на его лбу, поток серебряный крови на лице, но толпа сомкнулась вокруг меня, закрыв обзор.

Я протолкнулась вперед, следуя за кустистыми темными волосами Ормы и его крючковатым носом. Толпа бросилась бы на него, если бы только завидела разбитую губу и серебряную кровь. Я выкрикивала его имя, орала, но он не слышал меня из-за всего этого шума.

Вопли звучали со стороны собора, стук копыт галопирующих лошадей разносился по площади. Стража наконец прибыла, трубя в волынки. Сыновья Огдо кинули шляпы в воздух и растворились в толпе. Двое прыгнули через перила моста, но я услышала лишь один всплеск в реке.

Орма сидел на корточках рядом с лежащим новокожим, и я бросилась к нему через поток горожан, бегущих в другую сторону. Я не смела обнять его, но мое облегчение было таким сильным, что я опустила на колени и взяла его за руку.

– Спасибо всем святым!

Орма отнял руку.

– Помогите мне поднять его, Серафина.

Я подползла с другой стороны и взяла новокожего за руку. Он уставился на меня пустыми глазами, его голова упала мне на плечо, испачкав плащ серебряной кровью. Я подавила отвращение. Мы подняли раненого саара на ноги, придерживая его тело. Он отмахнулся от нашей помощи и встал сам, покачиваясь на резком ветру.

К нам подошел капитан стражи, принц Люсиан Киггз. Люди расступались перед ним, как волны перед святым Фионнуала. Он все еще был в трауре, в коротком белом гупелянде с длинными рукавами, его грусть сменило нескрываемое раздражение.

Я потянула Орму за рукав:

– Пошли.

– Не могу. Посольство узнает о моей серьге. Я должен оставаться близко к новокожему.

Я видела принца-бастарда мельком в забитых людьми коридорах при дворе. У него была репутация проницательного и упрямого сыщика, он все время посвящал работе и был не таким общительным, как его дядя Руфус. Также юноша не был красив – увы, бороды он не носил, – но в его взгляде светился острый ум, что было более чем достойной компенсацией внешности.

Я отвернулась. Псы святых, все мое плечо было испачкано кровью дракона.

Принц Люсиан проигнорировал Орму и меня и обратился к новокожему, беспокойно хмурясь:

– У вас идет кровь!

Новокожий поднял лицо, чтобы показать рану.

– Выглядит хуже, чем есть на самом деле, Ваша Светлость. В человеческих головах слишком много кровеносных сосудов, которые легко лопаются...

– Да, да. – Принц поморщился при виде раны новокожего и подал сигнал одному из своих людей. Тот подбежал с куском ткани и фляжкой воды. Новокожий открыл фляжку и начал лить воду прямо на голову. Она стекала вниз, пропитывая камзол.

Святые на Небесах. Он заморозит себя, а лучшие люди Горедда стоят здесь и позволяют ему это делать. Я выхватила ткань и флягу из вялых рук дракона, намочила ткань и показала, как нужно промывать рану. Он понял, как это делать, и я отошла. Принц Люсиан сердечно кивнул в знак благодарности.

– Вы явно новенький, саар, – сказал принц. – Как вас зовут?

– Базинд.

Звучало как отрывка, а не имя. Я увидела неизбежное выражение жалости и отвращения в темных глазах принца.

– Как это случилось? – спросил он.

– Я не знаю, – ответил Базинд. – Я шел домой с рыбного рынка...

– Такой новичок, как вы, не должен бродить один, – рявкнул принц. – Разве посольство не обязано было вам это доходчиво объяснить?

Я взглянула на Базинда наконец, присматриваясь к его одежде: камзол, короткие штаны и характерные эмблемы.

– Вы потерялись? – спросил принц Люсиан. Базинд пожал плечами. Принц спросил более ласково. – Они преследовали вас?

– Я не знаю. Я обдумывал способы приготовления камбалы... – Он сунул мокрый пакет принцу в лицо: – Они окружили меня.

Принц Люсиан увернулся от рыбного пакета и продолжил опрашивать саара:

– Сколько их было?

– Двести девятнадцать, хотя были и те, что придумал не я.

У принца отпала челюсть. Он явно впервые допрашивал дракона. Я решила ему помочь:

– Сколько было тех, с черными перьями в шляпах, саар Базинд?

– Шесть, – сказал Базинд, с усилием моргая, словно не привык иметь всего два века.

– Ты видела их, Серафина? – спросил принц, в его тоне слышалось явное облегчение, он был рад, что я вмешалась.

Я просто кивнула и слегка запаниковала, когда принц произнес мое имя. Во дворце я была никем, откуда ему знать мое имя?

Он продолжил, обращаясь ко мне:

– Мои люди приведут всех задержанных. Вы, новокожий, и ваш друг, – он показал на Орму, – должны опознать их и попробовать описать тех, кого мы упустили.

Принц дал сигнал своим людям вывести вперед пленников, а потом наклонился и ответил на вопрос, который я не задавала.

– Кузина Глиссельда постоянно говорит о вас. Она была готова бросить музыку. Повезло, что вы тогда пришли к нам.

– Виридиус был очень строг с ней, – пробормотала я, смущаясь.

Его темные глаза устремились к Орме, который отвернулся и глядел вдаль в поисках посольства саарантраи.

– Как зовут вашего высокого друга? Он дракон, не так ли?

Принц был слишком пронизательным, и мне сложно было оставаться спокойной.

– Почему вы так думаете?

– Просто догадка. Значит, я прав?

Я вспотела, несмотря на холод.

– Его зовут Орма. Он мой учитель.

Люсиан Кигтз внимательно посмотрел на мое лицо.

– Честно. Я бы хотел посмотреть его бумаги на привилегии. Я только что унаследовал список, и не знаю всех наших тайных ученых, как дядя Руфус, бывало, называл их. – Его темные глаза на мгновение затуманились, но он взял себя в руки. – Орма позвал посольство, я полагаю?

– Да.

– О, тогда нам лучше побыстрее с этим разобраться, прежде чем мне придется обороняться.

Один из его людей провел пленников перед нами, они поймали только двоих. Мне казалось, что тех, кто прыгнул в реку, будет легко опознать, потому что они выйдут мокрые и дрожющие, но, возможно, стража не поняла...

– Двое из них перепрыгнули через ограждение моста, но я услышала только один всплеск... – начала я.

Принц Люсиан сразу же понял, что я имею в виду. Четырьмя быстрыми жестами он направил солдат по обеим сторонам моста. По тихому счету до трех они свесились с моста, и конечно же, один из сыновей все еще был там, цеплялся за брусья. Они спугнули его, как

куропатку, но, в отличие от куропатки, он не мог летать. Со всплеском он упал в реку, и двое стражей прыгнули за ним.

Принц оценивающе глянул на меня:

– Вы внимательны.

– Иногда, – сказала я, избегая его взгляда.

– Капитан Киггз, – пропел низкий женский голос позади меня.

– Ну вот, – пробормотал он, обходя меня. Я повернулась и увидела, как саарантраи с короткими черными волосами спрыгнула с лошади. Она ехала верхом по-мужски, в штанах и расстегнутом кафтане. Серебряный колокольчик, большой, как яблоко, показательно сиял на фибуле². Трое саарантраи позади нее не спешили, но держали своих рьяных скакунов наготове. Их колокольчики издавали на ветру обескураживающе веселую мелодию.

– Заместитель государственного секретаря Эскар. – Принц подошел к ней с протянутой рукой. Она не соизволила принять ее, а направилась прямо к Базинду.

– Докладывай, – сказала она.

Базинд отсалютовал по традиции саарантраи, адресуя жест Небесам.

– Все в арде. Стража прибыла с терпимой поспешностью, заместитель госсекретаря. Капитан Киггз явился прямо с могилы дяди.

– Собор в двух минутах ходьбы отсюда, – сказала Эскар. – Между твоим сигналом и вторым прошло примерно тринадцать минут. Если бы стража оказалась здесь к тому времени, второй был бы не обязателен.

Принц Люсиан медленно выпрямился, его лицо оставалось маской спокойствия.

– Так это была проверка?

– Так и есть, – бесстрастно сказала она. – Мы считаем ваше обеспечение безопасности неадекватным, капитан Киггз. Это третья атака за три недели и вторая, в которой пострадал саар.

– Атака, которую устроили вы, не может засчитываться. Вы знаете, что это не типично. Люди на нервах. Генерал Комонот приезжает через десять дней...

– Именно поэтому вам нужно лучше работать, – холодно сказала она.

– ...А принца Руфуса только что убили в манере, подозрительно походящей на драконью.

– Нет свидетельств того, что это сделал дракон, – сказала она.

– Исчезла голова! – Принц пылко показал на свою голову, его вид – сжатые зубы и развевающиеся на ветру волосы – придавал образу некоторую безумную ярость.

Эскар приподняла бровь:

– Ни один человек не смог бы такого сделать?

Принц Люсиан резко отвернулся от нее и прошел по маленькому кругу, проводя рукой по лицу. Нет смысла злиться на саарантраи: чем жарче гнев противника, тем холоднее они становятся. Выражение Эскар оставалось утомляюще нейтральным.

Скрыв раздражение, принц попробовал снова:

– Эскар, пожалуйста, поймите: это пугает народ. Осталось столько глубоко засевшего недоверия. Сыновья святого Огдо пользуются людским страхом...

– Сорок лет, – прервала его Эскар. – Сорок лет длится перемирие. Вы даже еще не родились, когда был подписан мирный договор Комонота. Ваша собственная мать...

– Упокойтесь она у Небесного очага, – пробормотала я, словно моей работой было повсюду компенсировать социальные недостатки драконов. Принц одарил меня благодарной улыбкой.

– ...Была лишь пылинкой в утробе королевы, – продолжила Эскар спокойно, словно я ничего не сказала. – И только ваши старейшины помнят войну, но не они присоединяются к

² Фибула – металлическая брошь-застежка для одежды типа плащей, одновременно служит украшением.

сыновьям святого Огдо и устраивают бунты на улицах. Как может существовать глубоко засевавшее недоверие в людях, которые не прошли огонь войны? Мой собственный отец пал от руки ваших рыцарей и их хитрой дракомахии. Все саарантраи помнят те дни, все потеряли семью. Мы пытались забыть эти воспоминания, нам и пришлось, ради мира. Мы не держим зла. Ваш народ передает эмоции через кровь, от матери к ребенку, как драконы через кровь передают память? Вы наследуете страхи? Я не понимаю, как это остается в умах народа – или почему вы не избавитесь от этого, – сказала Эскар.

– Мы предпочитаем не избавляться от своих людей. Можете считать это одним из примеров нашего иррационального поведения, – ответил принц Люсиан, мрачно улыбаясь. – Возможно, мы не можем побороть наших чувств так, как вы. Наверное, нужно вырастить несколько поколений, чтобы успокоить наши страхи. И даже тогда я не стану судить весь свой вид по действиям нескольких представителей.

Эскар это не тронуло.

– Ардмагар Комотол получит мой отчет. Остается только дождаться ответа, отменит он грядущий визит ли нет.

Принц Люсиан нацепил улыбку, словно белый флаг.

– Я бы избавился от многих трудностей, если бы он остался дома. Как мило с вашей стороны заботиться о моем благополучии.

Эскар склонила голову, как птица, а затем стряхнула озадаченность. Она приказала своей свите забрать Базинда, который отошел на другую сторону моста и терся о перила, как кошка.

Тупая боль за моими глазами превратилась в постоянный стук, словно кто-то пытался выбраться наружу. Это был плохой знак, мои головные боли никогда не были просто головными болями. Я не хотела уходить, не узнав, что девочка сообщила Орме, но Эскар отвела его в сторону. Они склонили головы друг к другу, тихо переговариваясь.

– Должно быть, он отличный учитель, – сказал принц Люсиан. Его голос внезапно оказался так близко, что я испугалась.

Я молча сделала книксен. Я не могла обсуждать Орму в подробностях с кем-либо, тем более с капитаном королевской стражи.

– Должно быть, – повторил он. – Мы были поражены тем, что Виридиус выбрал своим помощником девушку. Не то чтобы женщина не могла справиться с этой работой, просто он старомоден. Вы, вероятно, особенны, раз привлекли его внимание.

В этот раз я присела в реверансе³, но он продолжал говорить.

– Ваше соло было действительно трогательным. Я уверен, что вам уже не раз говорили об этом, но повторяюсь, в соборе не осталось сухих глаз.

Конечно. Кажется, моя такая удобная анонимность утеряна. Вот что случилось, когда я слушалась папу.

– Спасибо, – сказала я, – простите меня, Ваше Высочество. Мне нужно поговорить с учителем о моих, эм, вибрациях...

Я повернулась к нему спиной. Это было вершиной грубости. Он какое-то время стоял позади меня, а потом ушел. Я оглянулась. Последние лучи заходящего солнца окрасили его траурные одежды в золотой цвет. Он взял лошадь у одного из сержантов, запрыгнул в седло с грацией танцора и приказал солдатам построиться.

Я разрешила себе испытать сожаление из-за неизбежности его презрения, потом оттолкнула это чувство прочь и двинулась к Орме и Эскар.

Когда я подошла к ним, Орма протянул руку, не касаясь меня.

³ Реверанс (*фр.* *révérence* – «глубокое почтение», «уважение») – также форма вежливого поклона с приседанием лиц женского пола перед членами королевской семьи, аристократами и лицами высокого социального статуса, но, в отличие от книксена, более глубокий и выражающий большее уважение персоне.

– Могу я представить: Серафина, – сказал он.

Заместитель госсекретаря Эскар посмотрела на меня так, словно сканировала человеческие особенности. Две руки: найдено. Две ноги: не найдено из-за длинного гупелянда. Два глаза, обычные карие: найдено. Волосы цвета крепкого чая, выбивающиеся из косы: найдено. Грудь: неочевидно. Тело высокое, но соразмерное. Красное лицо от ярости или смущения: найдено.

– Хм, – сказала она. – Оно не так ужасно, как я представляла.

Орма, да будет благословенно его иссохшее драконье сердце, исправил ее.

– Она.

– Разве оно не бесплодно, как мул?

Мое лицо залил такой жар, что я ждала, когда мои волосы загорятся.

– Она, – твердо сказал Орма, словно он сам не совершил ту же ошибку в первый раз. – Все люди используют местоимения половой принадлежности, не учитывая способности к репродукции.

– В противном случае это нас оскорбляет, – сказала я с жесткой улыбкой.

Эскар резко потеряла ко мне интерес и отвела взгляд. Ее свита возвращалась с другого конца моста, сопровождая саара Базинда на пугливой лошадке. Заместитель госсекретаря Эскар забралась на свою гнедую лошадь, резко развернула ее и пришпорила, даже не взглянув на Орму и меня. Ее свита последовала за ней.

Когда они проезжали мимо, вращающийся глаз Базинда задержался на мне на долгое мгновение. Я ощутила резкое отвращение. Орма, Эскар и остальные, возможно, научились походить на людей, но Базинд был явным напоминанием о том, что находилось внутри. Этот взгляд не был человеческим.

Я повернулась к Орме, который в раздумьях уставился в пустоту.

– Это было ужасно унижительно, – сказала я.

Он вздрогнул:

– Да?

– О чем ты думал, рассказывая ей обо мне? – спросила я. – Возможно, я и выбралась из-под надзора отца, но правила остались теми же. Мы не можем просто взять и всем рассказать...

– О, – сказал он, поднимая изящную руку, чтобы отмахнуться от моих доводов. – Эскар всегда знала. Она раньше была Цензором.

Мой желудок перевернулся: Цензоры, агентство драконов, подвластное только самому себе; полиция саарантраи, следящая за поведением, не подобающим драконам. Цензоры вырезают мозг драконам, которых считают эмоционально нестабильными.

– Чудесно. Так что ты сделал, чтобы привлечь внимание Цензоров на этот раз?

– Ничего, – быстро ответил он. – В любом случае она больше не одна из них.

– Я подумала, возможно, они следят за тобой из-за выражения неподобающей любви ко мне, – сказала я, а потом язвительно добавила: – Но нечто подобное я бы заметила.

– Я выражаю к тебе подобающий интерес в пределах разрешенных эмоциональных параметров.

Увы, это казалось преувеличением.

К его чести, нужно сказать, что он знал: эта тема меня расстраивает. Не каждому саару было бы это безразлично. Орма нервничал, не понимая, что делать с этой информацией.

– Ты придешь на урок на этой неделе? – спросил он, возвращая нас к чему-то знакомому, пытаясь, как умел, успокоить меня.

Я вздохнула.

– Конечно. И ты расскажешь мне, что дал тебе тот ребенок.

– Кажется, ты считаешь, есть что рассказывать, – заметил он, но его рука непроизвольно потянулась к груди, где он спрятал золотую монетку. Я ощутила укол беспокойства, но знала, что не было смысла расспрашивать его снова. Он расскажет мне все, когда сам захочет.

Орма не стал прощаться, как обычно, повернулся и пошел к собору. Фасад горел красным из-за света заходящего солнца. Уходящая фигура Ормы расплывалась темным пятном на его фоне. Я провожала его взглядом, пока он не исчез за углом северного трансепта.

Теперь я почти не замечала одиночества, оно было моим обычным состоянием, приобретенным скорее по необходимости, чем данным от природы. Но после сегодняшнего сложного дня оно давило на меня больше обычного. Орма все знал обо мне, но он был драконом. В хорошие дни он был и хорошим другом. В плохие – сталкиваться с его недостатками было все равно что спотыкаться на лестнице. Было больно, но это казалось моей собственной виной.

И все же он – все, что у меня есть.

Я слышала только шум реки подо мной, ветер в голых деревьях, еле различимые обрывки песни, увлекаемые вниз по течению от таверн рядом с музыкальной школой. Я слушала, обхватив себя руками, и наблюдала, как зажигались и мигали звезды. Я вытерла глаза рукавом – конечно, они слезились из-за ветра – и отправилась домой, думая об Орме, обо всем, что, я знала, должно остаться невысказанным, о всех долгах ему, которые я никогда не смогу оплатить.

3

Орма три раза спасал мою жизнь.

Когда мне было восемь, Орма нанял дракона-учителя, юную самку Зейд. Мой отец энергично протестовал. Он презирал драконов, несмотря на то что был экспертом Короны по мирному договору и даже защищал саарантраи в суде.

Я восхищалась особенностями Зейд: ее угловатостью, непрерывным звоном колокольчика, ее способностью решать сложные уравнения в уме. Из всех моих учителей – я прошла через батальон – она была моим любимым, до того момента пока не попыталась сбросить меня с башни собора.

Она заманила меня на башню под предлогом того, что даст мне урок физического воспитания, а потом быстро, словно мысль, схватила меня и держала на вытянутых руках над парашютом. Ветер кричал в моих ушах. Я посмотрела вниз и увидела, как падает мой ботинок: отскочив от шишковатой головы горгульи, он ударился о брусчатку на соборной площади.

– Знаешь, почему предметы падают вниз? – спросила Зейд таким приятным голосом, словно вела занятие в детской.

Я была слишком напугана, чтобы ответить. Я потеряла второй ботинок и едва удерживала внутри завтрак.

– Существуют невидимые силы, которые действуют на нас все время, и действуют они предсказуемым способом. Если бы я уронила тебя с этой башни, – она встряхнула меня, и город закружился, как воронка, готовая поглотить мое маленькое тело, – ускорение твоего падения составило бы девять целых восемь десятых метра, деленных на секунду в квадрате. Как и ускорение падения моей шляпы, как и твоих ботинок. Нас всех тянет к нашей судьбе одним и тем же способом, одной и той же силой.

Она имела в виду силу тяжести – драконам не удаются метафоры, – но я приняла ее слова на свой счет. Невидимые факторы в моей жизни неизбежно приведут меня к падению. Я чувствовала, что всегда знала это. И спасения не было.

Орма появился, словно из ниоткуда, и совершил невозможное: спас меня, словно не саяя. Я поняла спустя годы, что это была западня, устроенная Цензорами, чтобы проверить эмоциональную стабильность Ормы и его привязанность ко мне. Этот опыт оставил мне в подарок глубинный страх высоты, который я не могла преодолеть, но, как ни абсурдно, я не перестала доверять драконам.

Тот факт, что меня спас дракон, не сыграл никакой роли в последовавших размышлениях. Никто не позаботился рассказать мне, что Орма дракон.

Когда мне было одиннадцать, нас с отцом постиг кризис. Я нашла флейту мамы, спрятанную в комнате наверху. Папа запретил учителям преподавать мне музыку, но он не говорил, что я не могу учиться самостоятельно. Я была воспитана адвокатом и всегда находила лазейки. Тренируюсь втайне, когда папа был на работе, а мачеха – в церкви, я работала над маленьким репертуаром народных мелодий, которые могла научиться играть самостоятельно. Когда папа устроил вечеринку накануне годовщины Мирного Договора, соглашения между Гореддом и драконами, я спрятала флейту в камине, собираясь неожиданно выступить перед гостями.

Папа первым нашел флейту, угадал, что я затеяла, и отправил меня в мою комнату.

– Что, по-твоему, ты делаешь? – кричал он. Я никогда не видела у него таких диких глаз.

– Я пытаюсь пристыдить тебя, чтобы ты разрешил мне заниматься музыкой, – сказала я спокойнее, чем себя чувствовала. – Когда все услышат, как хорошо я играю, они посчитают тебя глупцом из-за того, что не позволил...

Он оборвал меня одним резким движением, занося флейту словно для удара. Я сжалась, но удара не последовало. Когда я осмелилась снова поднять взгляд, он треснул флейтой о колено.

Она сломалась с болезненным хрустом, как кость или мое сердце. Я потрясенно опустилась на колени.

Папа уронил разбитый инструмент на пол и, шатаясь, отступил на шаг. Ему, казалось, было так же плохо, как и мне, словно флейта являлась частью его самого.

– Ты никогда это не понимала, Серафина, – сказал он. – Я уничтожил все следы твоей матери, переименовал ее, переделал, подарил ей иное прошлое – иную жизнь. Лишь две вещи все еще могут нам навредить – ее невыносимый брат, – но он этого не сделает, пока я слежу за ним, – и ее музыка.

– У нее был брат? – спросила я, почти плача. У меня так мало осталось от матери, и все это малое он забирал.

Отец покачал головой:

– Я пытаюсь защитить нас обоих.

Замок щелкнул, когда он закрыл дверь позади себя. Это было необязательно. Я бы не смогла вернуться на вечеринку годовщины Мирного Договора. Мне было так плохо. Я опустила голову на пол и заплакала.

Я заснула там же, на полу, обхватив пальцами флейту. Моя первая мысль при пробуждении была: нужно подмести под кроватью. Вторым делом я подумала о том, что дом был по-странному тихим, хотя солнце стояло уже высоко. Я умыла лицо, и холодная вода вернула мне ясность мыслей. Конечно, все спали, прошлой ночью был праздник, и приглашенные пировали до рассвета, как королева Лавонда и Ардмагар Комонот тридцать пять лет назад, когда обеспечивали будущее своим народам.

Это значило, что я не смогу выйти из комнаты, пока кто-нибудь не проснется и не выпустит меня.

У моей онемевшей грусти была целая ночь, чтобы созреть и превратиться в гнев, это сделало меня безрассудной или близкой к этому, насколько возможно. Я оделась так тепло, как смогла, прицепила кошелек к руке, открыла створку окна и выбралась на улицу.

Я шла по переулкам, по мостам и вдоль заледеневших причалов. К моему удивлению, я повсюду видела людей, уличный транспорт, открытые магазины. Мимо, позвякивая, проезжали сани, груженные дровами для камина или сеном. Слуги тащили кувшины и корзины домой из магазинов, не заботясь о грязи на своих деревянных башмаках, замужние женщины осторожно прыгали через лужи. Мясные пироги соперничали с жареными каштанами за число покупателей, торговец глинтвейном обещал насыщенное тепло в каждой кружке напитка.

Я добралась до площади Святой Лулы, огромная толпа собралась по обеим сторонам пустой дороги. Люди разговаривали и глазели по сторонам, сбившись в кучки, чтобы согреться.

Пожилый мужчина рядом со мной пробормотал соседу:

– Поверить не могу, что королева позволяет это. После борьбы и всех жертв!

– Я поражен, что кто-то еще может удивляться, – ответил его молодой спутник, мрачно улыбаясь.

– Она пожалеет об этом договоре, Маурицио.

– Прошло тридцать пять лет, а она все еще о нем не пожалела.

– Королева безумна, если считает, что драконы могут контролировать свою жажду крови!

– Простите? – пискнула я, робея в кругу незнакомцев. Маурицио посмотрел вниз, на меня, и его брови приподнялись в удивлении. – Мы ждем драконов? – спросила я.

Он улыбнулся. Он был красивым, насколько только может быть красивым небритый и невымытый человек.

– Именно так, кроха. Это юбилейное шествие. – Когда я уставилась на него в смятении, он объяснил. – Каждые пять лет наша благородная королева...

– Наш сумасшедший деспот! – закричал пожилой мужчина.

– Спокойно, Карал. Наша милостивая королева, как я уже говорил, разрешает драконам принять свою истинную форму и устроить парад, чтобы таким образом отметить годовщину мирного соглашения. Государыня считает, что если мы будем видеть всю серную чудовищность драконов регулярно, наш страх уменьшится. Мне же кажется, более вероятно противоположное.

Если он прав, то половина Лавондавила собралась на площади, чтобы изрядно испугаться. Только старики помнили времена, когда драконов видели часто, когда тени, промелькнувшей на солнце, хватало, чтобы по спине пробежал холодок. Мы все знали истории – как целые деревни сжигали дотла; как храбры были рыцари в неравном бою; что превратишься в камень, если посмотришь дракону в глаза.

Рыцарей изгнали после принятия Мирного Договора Комонота. Когда им больше не нужно было сражаться с драконами, они стали мучить соседей Горедда, Нинис и Самсам. Три нации оказались втянуты в изматывающие мерзкие войны за территорию на два десятилетия, пока наша королева не положила этому конец. Все рыцарские ордена в Южных землях были распущены – даже в Нинис и Самсам. Но по слухам, старые бойцы жили в тайных убежищах в горах или в дальних деревнях.

Я осознала, что все еще разглядываю старика, Карала. Он до сих пор рассказывал о жертвах, и я гадала, сражался ли он когда-нибудь с драконами. Возраст был подходящим.

Толпа ахнула в унисон. Рогатый монстр обходил квартал магазинов, его выгнутая спина доставала до окон второго этажа, а крылья были аккуратно сложены, чтобы не свалить ближайšie дымовые трубы. Элегантная шея изгибалась вниз, словно у покорной собаки: поза, которая не должна была вызывать страха.

Мне он показался достаточно безобидным, во всяком случае, пока его головные шипы лежали горизонтально. Другие люди словно не понимали язык его тела, вокруг меня испуганные горожане хватались друг за друга, чертили символ святого Огдо и бормотали в сложенные руки. Рядом женщина начала истерично кричать: «Его ужасные зубы!» – пока ее не увел муж.

Я смотрела, как они исчезли в толпе, и надеялась, что он сможет объяснить ей: хорошо, что она видела его зубы. Если пасть дракона закрыта, скорее всего, он готовится выпустить пламя. Это казалось очевидным.

И это заставило меня задуматься. Вид этих зубов заставлял горожан вокруг меня всхлипать от ужаса. То, что казалось очевидным мне, не было очевидным для всех остальных.

Драконов всего было двенадцать. Принцесса Дион и ее маленькая дочь Глиссельда замыкали процессию на санях. Под белым зимним небом драконы казались ржавыми: разочарывающий цвет для таких легендарных существ. Но вскоре я заметила, что если присмотреться, можно различить оттенки. Луч света упал на шествие, и я увидела радужный блеск чешуи, их тела сияли насыщенными цветами, от пурпурного до золотого.

Карал принес фляжку с горячим чаем и скупно плеснул Маурицио.

– Должно хватить до вечера, – проворчал Карал, стряхивая каплю с кончика носа. – Если мы обязаны праздновать годовщину Мирного Договора Комонота, сам Ард-хвостун Комонот мог бы соизволить и явиться. Он же презирает юг и принятие человеческой формы.

– Слышал, он боится тебя, – вежливо сказал Маурицио. – Думаю, в этом и причина.

Я точно не поняла, когда все пошло не так. Старый рыцарь – я почувствовала, что обращение «сэр» тому подтверждение – стал выкрикивать оскорбления: «Черви! Сумки с газом! Адовы твари!»

Несколько массивных мужчин вокруг нас присоединились к нему. Некоторые из них начали бросать снежки.

Дракон в центре процессии испугался. Может, толпа подобралась слишком близко или в него попал снежок. Он поднял голову и расправил тело высотой с трехэтажную таверну на другой стороне площади. Зрители, стоящие ближе к нему, запаниковали и побежали.

Бежать было некуда. Они были окружены сотнями полузамерзших товарищей-гореддийцев. Началась давка. Раздались крики. Крики заставили еще большее число драконов поднять в тревоге головы.

Ведущий дракон закричал, это был животный, холодящий кровь крик. К моему потрясению, я поняла его: «Опустите головы!»

Один из драконов распахнул крылья. Толпа отскочила и забурилась, как штормовое море.

Лидер драконов снова закричал.

– Фикри, сложи крылья! Если взлетишь, то нарушишь главу седьмую, статью пятую, и я отдам твой хвост под трибунал так быстро...

Толпа вместо указаний дракона, конечно, слышала свирепый рев, и их сердца сковал ужас. Люди понеслись к боковым улицам.

Громяющее стадо смело меня. Локоть ударил в челюсть, пинок в колено повалил меня на землю. Кто-то наступил на икру, кто-то другой споткнулся о мою голову. Я увидела звезды, и шум криков стих.

Затем внезапно снова появился воздух и пространство.

И я ощутила горячее дыхание на своей шее. Я открыла глаза.

Над мной стоял дракон, его четыре ноги были колоннами убежища. Я чуть снова не упала в обморок, и его серное дыхание вернуло меня в сознание. Он ткнул меня носом и показал идти к переулку.

– Я проведу тебя туда, – произнес он все тем же ужасным криком, каким разговаривал тот, другой, дракон.

Я поднялась, держась дрожащей рукой за его лапу, чтобы обрести равновесие. Она была грубоватой на ощупь и неподвижной, как дерево, но неожиданно теплой. Снег под драконом таял и становился слякотью.

– Спасибо, саар, – сказала я.

– Ты поняла, что я сказал, или просто отвечаешь, поняв мое намерение?

Я замерла. Я понимала, но как? Я никогда не изучала Мутья, мало кто из людей изучал его. Казалось, безопаснее не отвечать, поэтому я молча направилась к переулку. Он шел позади меня, люди разбежались в стороны от дракона.

Переулок привел в тупик, набитый бочками, поэтому толпы не пытались лихорадочно втиснуться в него. Дракон все равно встал перед входом. Прибыла стража королевы, вышагивая строем по площади. Их перья развевались, волынки вопили. Большинство драконов стали организованным кругом вокруг кареты принцессы Дион, закрывая ее от толпы. Они выполняли роль стражей. Остатки толпы приветствовали принцессу, и если не порядок, то хотя бы уверенность снова завладела ими.

Я поклонилась с благодарностью, ожидая, что дракон уйдет. Он опустил ко мне голову.

– Серафина, – прокричал он.

Я уставилась на него, потрясенная тем, что он знает мое имя. Он смотрел на меня в ответ, и дым поднимался из его ноздрей, а глаза были черными и далекими.

И все же не такими далекими. В них было что-то знакомое, но я не могла понять что. Мое зрение затуманилось, словно я смотрела сквозь воду.

– Ничего? – воскликнул саар. – Она была уверена, что сможет оставить тебе хотя бы одно воспоминание.

Мир начал темнеть по краям, крики поблекли до шепота. Я упала лицом на снег.

Я лежу на кровати, беременная, с огромным животом. Простыни мокрые. Я сжимаюсь, и на меня накатывает тошнота. Орма стоит на другом конце комнаты в пятне солнечного света, смотрит из окна в пустоту. Он не слушает. Я извиваюсь от нетерпения: у меня осталось мало времени.

– Я хочу, чтобы этот ребенок знал тебя, – говорю я.

– Меня не интересует твое отродье, – отвечает он, изучая свои ногти. – И с твоим жалким мужем после твоей смерти поддерживать контакты я не буду.

Я плачу, не могу остановиться, но стыжусь, что он увидит, как рушится мой самоконтроль. Он сглатывает, и его губы кривятся, словно желчь подкатывается к его рту. В его глазах я чудовищна, я знаю, но я люблю его. Это может быть наш последний шанс поговорить.

– Я оставлю ребенку несколько воспоминаний, – говорю я.

Орма наконец смотрит на меня, его темные глаза далеки.

– Ты можешь это сделать?

Я точно не знаю, и у меня нет сил обсуждать это. Я пытаюсь пошевелиться под простынями, чтобы облегчить режущую боль внизу живота. И говорю:

– Я собираюсь оставить своему ребенку воспоминание-жемчужину.

Орма почесывает худощавую шею.

– Как я понимаю, жемчужина будет содержать воспоминания обо мне. Поэтому ты мне об этом рассказываешь. Что их высвободит?

– Взгляд на твой настоящий облик, – говорю я, тяжело дыша, потому что боль только нарастает.

Он фыркает, словно лошадь.

– При каких таких обстоятельствах ребенок увидит меня в моем естественном облике?

– Тебе решать, когда будешь готов признать, что ты дядя дитя. – Я резко втягиваю воздух, когда невыносимая боль пронизывает мой живот. Времени едва хватит на создание жемчужины воспоминаний. Я даже не уверена, что у меня хватит сил, чтобы достаточно сосредоточиться. Я говорю Орме так спокойно, как только могу:

– Позови Клода. Сейчас. Пожалуйста.

Прости меня, дитя, за эту боль. Нет времени приглушить ее.

Мои глаза распахнулись, боль пронзила голову. Я лежала на руках Маурицио, словно ребенок. Старый Карал, в нескольких шагах от нас, танцевал странную джигу на снегу. Рыцарь нашел древко оружия и махал им перед драконом, отгоняя его прочь. Существо отошло на другую сторону площади к своим братьям.

Нет, не существо. Он. Это был Орма, мой...

Я даже не могла об этом думать.

Озабоченное лицо Маурицио то появлялось, то исчезало из поля моего зрения. Прежде чем провалиться в сон, я умудрилась произнести:

– Дом Домбег, рядом со Святой Фионнуалой.

Я пришла в себя, только когда Маурицио передал меня в руки отца. Папа помог мне подняться наверх, и я упала на кровать.

Пока я то приходила в себя, то теряла сознание, я слышала, как отец орет на кого-то. Когда я очнулась, Орма сидел рядом со мной и говорил, словно уже считал меня проснувшейся.

– ... Материнская память в капсуле. Не знаю, что именно она открыла тебе, только знаю, что она собиралась рассказать тебе правду обо мне и о себе.

Он был драконом и братом моей матери. Я еще не решалась принять, кем она была, но Орма заставил меня прийти к этому выводу. Я свесилась с края кровати, и меня стошнило. Орма чистил зубы ногтем, уставившись на лужу на полу, словно она могла рассказать ему, что я знаю.

– Я не ожидал, что ты придешь на процессию. Я не хотел, чтобы ты узнала об этом сейчас – или когда-либо. Мы с твоим отцом пришли к соглашению по этому поводу, – сказал он. – Но я не мог позволить толпе задавить тебя. Я даже не знаю почему.

Только это объяснение я и услышала, потому что на меня снова нахлынуло видение.

Это не было еще одно воспоминание моей матери. Я оставалась собой, хоть и бестелесной, смотрела вниз на оживленный портовый город, укрывшийся между прибрежными горами. Я не просто его видела: я чувствовала запахи рыбного рынка и рынка специй, ощущала соленое дыхание океана на своем бестелесном лице. Я парила в идеально голубом небе, словно жаворонок, кружила над куполами и шпилями, летала над оживленными доками. Меня привлекал богатый храмовый сад, полный смеющихся фонтанов и цветущих лимонных деревьев. Там было что-то, что мне нужно было увидеть.

Нет, кто-то. Маленький мальчик, возможно, лет шести, свисающий вниз головой, словно фрукт, с тонкого фигового дерева. Его кожа была коричневой, словно вспаханное поле, а волосы похожими на пушистое темное облако, глаза – живыми и яркими. Он ел апельсин, дольку за долькой, и выглядел абсолютно довольным собой. У него был умный взгляд, но он смотрел прямо сквозь меня, словно я была невидимой.

Я вернулась в себя, чтобы восстановить дыхание, прежде чем друг за другом на меня нахлынули другие видения. Я видела мускулистого горца из Самсама, играющего на волынке на крыше церкви, а потом беспокойную старую женщину в толстых очках, ругающую повара за то, что тот положил слишком много кориандра в жаркое. Каждое новое видение усиливало мою головную боль, мой выжатый желудок больше ничего не мог отдать.

Неделю я не вставала с постели. Видений было очень много, и они сменялись так быстро, что если я пыталась встать, то падала под их весом. Я видела гротескных и деформированных людей: мужчин с усами, как у рыб, и когтями, женщин с рудиментарными крыльями и огромных, похожих на слизней существ, баламутивших грязь в болоте. Я кричала до хрипоты при виде их, размахивая руками и ногами на своей пропитанной потом кровати, пугая мачеху.

Моя левая рука и грудь чесались, горели и покрылись странными сухими кусочками. Я свирепо сдирала их и этим делала только хуже.

У меня была лихорадка, я не могла удерживать в себе еду. Орма оставался рядом со мной все это время, и я страдала от иллюзии, что под его кожей – под кожей всех – находилось пустое ничто, чернильная темная пустота. Он закатал рукав, чтобы осмотреть мою руку, и я закричала, уверенная, что он начнет сдирать с меня кожу и увидит пустоту под ней.

К концу недели жуткая сыпь на коже затвердела и начала сходить, открывая взору линию бледной круглой чешуи, мягкой, как у малыша змеи. Она бежала от внутренней части запястья до внешней части локтя. Полоса пошире опоясывала мою талию, словно кушак. При виде чешуи я плакала, пока мне не стало плохо. Орма очень тихо сидел у моей кровати, обдумывая непостижимые мысли драконов. Его глаза не мигали.

– Что мне с тобой делать, Серафина? – спросил мой отец. Он сидел за столом, нервно пролистывая документы. Я расположилась напротив него на стуле без спинки. В этот день, когда мне стало лучше, я смогла покинуть комнату. Орма занимал стул, вырезанный из дуба, перед окном, и серый утренний свет подсвечивал его непричесанные волосы. Эн-Мари принесла нам чай и сбежала, но только я взяла чашку. Чай в ней остыл.

– Что ты вообще собирался со мной делать? – спросила я с горечью, потирая край чашки большим пальцем.

Папа пожал узкими плечами, а взгляд его серых глаз с морским оттенком был где-то далеко.

– Я надеялся выдать тебя замуж, пока эти жуткие проявления не появились на твоих руках и твоей... – Он жестом показал на мое тело, сверху вниз.

Я постаралась сжаться. Я испытывала отвращение до самой глубины души – если она у меня вообще была. Моя мама была драконом. Теперь я уже ни в чем не уверена.

– Я понимаю, почему ты не хотел, чтобы я знала, – пробормотала я в свою чашку голосом, дрожащим от стыда. – До этого... этого происшествия я не чувствовала необходимости в тайне, я могла поделиться своей ношей с кем-то из служанок или... – У меня никогда не было друзей. – Поверь, теперь я вижу необходимость.

– О, видишь, не так ли? – произнес папа, строго глядя на меня. – Твое знание о договоре и законе не заставило тебя молчать, а уродство объяснило тебе все?

– Нужно было думать о договоре и законе до того, как женился на ней, – сказала я.

– Я не знал! – закричал папа. Он покачал головой и произнес более спокойно: – Она так и не рассказала мне. Она умерла при родах, истекая серебром в кровати, и меня бросили в глубокие морские воды, где не было женщины, которую я любил больше жизни и которая помогла бы мне.

Папа пробежался рукой по редющим волосам:

– Меня могли бы изгнать или казнить, в зависимости от настроения королевы, но могла решать и не она. Немного случаев сожительства с драконами дошли до суда, обычно обвиняемых разрывала толпа, их заживо сжигали в домах, или они просто исчезали, прежде чем дело доходило до суда.

Мое горло пересохло, и я не могла говорить. Я глотнула чай. Он был горьким.

– Чт-что происходило с детьми?

– Нет записей о том, что у них были дети, – сказал папа, – но не думай, что горожане растерялись бы, узнай они о тебе. Для решительных действий им нужно лишь обратиться к писанию!

Орма, который смотрел в пустоту, теперь сосредоточил взгляд на нас.

– У святого Огдо есть особые рекомендации, если память мне не изменяет, – сказал он, потягивая себя за бороду. – Если саары-черви осквернят ваших женщин, появится на свет бесформенная межрасовая мерзость, не позволяйте такому жуткому отродью остаться в живых. Разломите череп ребенка трижды благословенным топором до того, как его родничок станет сталью. Отрежьте чешуйчатые конечности и сожгите их в разных кострах, чтобы они не вернулись ночью обратно, ползущие, словно черви, чтобы убить праведных людей. Разрежьте живот чудовища, помочитесь на его внутренности и подожгите. Полукровки рождаются беременными: если похороните живот нетронутым, еще двадцать вырвутся из земли...

– Хватит, саар, – сказал папа. Взгляд глаз цвета штормовой воды пробежался по моему лицу. Я таранилась в ужасе, плотно закрыв рот, чтобы не заплакать. Отец избегал религии, потому что сами святые требовали убить его ребенка? Гореддийцы все так же ненавидят драконов спустя тридцать пять лет мира, потому Небеса этого требуют?

Орма не заметил моего страха.

– Мне интересно, святой Огдо и остальные, выказывающие подобное отвращение – святой Витт, святой Мунн, многие другие, – имели опыт с полукровками. Не потому, что Серафина похожа на описание, очевидно нет, а потому, что они вообще предполагают такое. В великой библиотеке Танамут нет зафиксированных случаев скрещивания, а это уже удивительно само по себе. Можно подумать, что почти за тысячелетие кто-то специально попробовал это.

– Нет, – сказал папа. – Я так не думаю. Только аморальный дракон подумал бы об этом.

– Именно, – сказал Орма, не обижаясь. – Аморальный дракон подумал бы, попробовал...

– Что, силой? – Губы отца скривились, словно от этой мысли желчь подступила к горлу. Подразумеваемое не волновало Орму.

– ...И записал бы результаты эксперимента. Возможно, мы не такой аморальный вид, как обычно считают в Южных землях.

Я больше не могла сдерживать слезы. Я ощущала головокружение, пустоту, холодный сквозняк под дверью заставил меня покачнуться. У меня всё забрали: мою человеческую маму, мою собственную человечность и надежду покинуть отцовский дом.

Я увидела пустоту под поверхностью мира, и она угрожала утянуть меня вниз.

Даже Орма заметил мою боль. Он склонил голову, смущенный.

– Поручи ее образование мне, Клод, – сказал он, откидываясь назад и собирая пальцем конденсат с бриллиантовых панелей маленького окна. Он попробовал капли на вкус.

– Тебе, – огрызнулся отец, – и что ты с ней сделаешь? Она и два часа не может прожить без приступов от этих видений.

– Мы бы могли над этим поработать, для начала. У нас саарантраи есть техника для укрощения бунтующего мозга. – Орма постучал по лбу и потом снова повторил, словно ощущение заинтриговало его.

Почему я никогда не замечала, насколько он необычный?

– Ты будешь учить ее музыке, – сказал отец, его золотой голос поднялся на слишком высокую октаву. Я видела борьбу в выражении его лица так же ясно, словно его кожа была стеклянной. Он никогда не защищал меня одну, он защищал свое разбитое сердце.

– Папа, пожалуйста. – Я открыла ладони словно просящий перед святыми. – У меня ничего не осталось.

Отец сжался на стуле, сморгнув слезы.

– Не позволяй мне слушать тебя.

Два дня спустя в дом доставили спинет⁴. Отец попросил поставить его в кладовой в самой дальней части дома, подальше от своего кабинета. Там не было места для стула, поэтому я сидела на сундуке. Орма прислал книгу фантазий⁵ композитора по имени Виридиус. Я раньше никогда не видела нот, но они показались мне знакомыми, как и речь драконов. Я сидела там, пока свет в окне не начал блекнуть, читая музыку, словно книгу.

Я ничего не знала о спинетах, но решила открыть крышку. Внутренняя часть была украшена пасторальной сценкой: котята играли в патио⁶, крестьяне заготавливали сено в полях позади них. У одного из котят – того, что агрессивно напал на клубок голубой шерсти, – был необычный стеклянный глаз. Я сощурилась, глядя на него в темноте, затем постучала пальцем.

– О, вот и ты, – раздался глубокий голос. Необъяснимым образом, словно заговорил нарисованный котенок.

– Орма? – Как он говорил со мной? Это было какое-то драконье устройство?

⁴ Спинет (*англ.* spinet – «колючка») – небольшой домашний клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

⁵ Фантазия (*итал.* fantasia – «плод воображения») – в европейской музыке общее обозначение различных жанров, общим для которых была идея творческой свободы, отказ от какой-либо одной и общепринятой формы-конструкции.

⁶ Патио (*исп.* patio) – открытый внутренний двор жилого помещения, с разных сторон окруженный стенами, галереями, воротами, решеткой и т. д.

– Если ты готова, – сказал он, – давай начнем. Нам нужно многое успеть.
Так он спас мою жизнь в третий раз.

4

Следующие пять лет Орма был моим учителем и единственным другом. Для того, кто никогда не собирался называть себя моим дядей, Орма воспринял свои дядюшкины обязанности серьезно. Он учил меня не только музыке, но всему, что, по его мнению, я должна знать о драконах: истории, философии, высшей математике (она была для драконов чем-то близким к религии). Он отвечал на мои даже самые наглые вопросы. Да, драконы чувствовали цвета при определенных условиях. Да, было бы ужасной идеей превратиться в саарантраса, только что съев быка. Нет, он не понимал точно природы моих видений, но полагал, что может мне помочь.

Драконы считали человеческую форму странной и часто ошеломляющей и за долгие годы развили разные стратегии того, как держать головы в арде, пока они находятся в человеческой форме. Ард был центральным концептом философии драконов. Само слово означало «порядок» или «правильность». Гореддийцы использовали это слово применительно к драконьим батальонам – и это было единственным человеческим значением слова. Но для драконов оно было намного глубже. Ард – то, каким должен быть мир, усмирение хаоса порядком, этическая и физическая правильность.

Человеческие эмоции, хаотичные и непредсказуемые, были противоположностью арду. Драконы использовали медитацию и то, что Орма называл когнитивной архитектурой, чтобы делить разум на части. Например, драконы хранили материнские воспоминания в отдельной комнате, потому что они были слишком сильными. Например, то мое материнское воспоминание подавило меня. Эмоции, которые саарантраи считали неудобными и слишком сильными, запирались в сохранности в других пространствах, им не позволялось выходить наружу.

Орма никогда не слышал о видениях, подобных моим, и не знал, что стало их причиной. Но он верил, что система когнитивной архитектуры не позволит видениям лишать меня сознания. Мы испробовали вариации на его комнате материнской памяти, запечатывая видения (то есть воображаемую книгу, представляющую их) в сундуке, гробнице и, наконец, в тюрьме на дне моря. Это работало несколько дней, пока я не падала по пути домой от Святой Иды и нам приходилось начинать все сначала.

Мои видения показывали тех же людей снова и снова, они стали такими знакомыми, что я всем дала прозвища. Их было семнадцать, отличное простое число, что чрезмерно интересовало Орму. Он наконец придумал, как попытаться сдержать индивидуумов, а не сами видения.

– Попробуй создать ментальный аватар каждого человека и построить место, где они могут захотеть остаться, – сказал Орма. Тот мальчик, Фруктовая Летучая Мышь, все время лазает по деревьям, так посади дерево в своем разуме. Посмотри, станет ли его аватар туда забираться и останется ли там. Возможно, если ты культивируешь и сохранишь связи с этими личностями, они не станут искать твоего внимания в неудобное время.

Из этого предложения вырос целый сад. У каждого аватара было свое место в этом саду гротесков. Я ухаживала за ними каждую ночь или страдала от головных болей и видений, когда не делала этого. Пока эти странные жители оставались спокойными и мирными, видения меня не тревожили. Ни Орма, ни я не понимали, почему именно это сработало. Орма утверждал, что это самая необычная ментальная структура, о которой он слышал, и очень жалел, что не мог написать об этом диссертацию, ведь я была тайной даже среди драконов.

За четыре года у меня не было ни одного из нежелательных видений, но я не могла расслабляться. Головная боль, начавшаяся после похорон принца Руфуса, предупреждала, что гротески в моем саду волновались. Видение совсем скоро могло по мне ударить. После того как Орма оставил меня на мосту, я поспешила к Замку Оризон так быстро, как могла, размышляя о часе ментальной гигиены, как это называл Орма, возвращении разума обратно в ард.

В моих покоях во дворце было две комнаты. Первая была маленькой гостиной, где я репетировала. Спинет, который мне подарил Орма, стоял у дальней стены, рядом с ним была книжная полка с моими собственными книгами, флейтами, лютней. Я зашла, шатаясь, во вторую комнату, где располагались шкаф, стол и кровать. Я всего две недели прожила здесь, но эта мебель уже казалась мне моей собственной, здесь я чувствовала себя как дома. Дворцовые слуги заправили кровать и зажгли камин.

Я разделась до нижней льняной рубашки. Мне нужно было промыть и намазать маслом чешую, но каждый сантиметр моего тела молил о мягкой кровати, и мне необходимо было разобраться с моим разумом.

Я взяла подголовный валик с кровати и села на него, скрестив ноги, как учил меня Орма. Я закрыла глаза, и теперь боль была такой сильной, что сложно было замедлить дыхание. Я повторяла мантру «все в арде», пока не успокоилась настолько, что увидела мой раскинувшийся, цветной сад гротесков, протянувшийся до мысленного горизонта.

Мгновение я пребывала в смятении, пока не разобралась в происходящем. Пейзаж менялся каждый раз, когда я приходила. Передо мной стояла пограничная стена из древних плоских кирпичей, папоротники росли из каждой щели, словно клоки зеленых волос. За ней я видела фонтан Безликой Дамы, берег с маками и луг с большими разросшимися садовыми деревьями. Как учил меня Орма, я всегда останавливалась здесь, положив руки на входные ворота – в этот раз из кованого железа, и говорила: «Это сад моего разума. Я ухаживаю за ним. Он подвластен мне. Мне нечего бояться».

Человек-пеликан прятался в садовых кустах, его дряблые рыьи усы свисали с шеи до ворота туники, как фартук из плоти. Всегда было сложнее, когда я наткнулась на деформированного гротеска в начале пути, но я нацепила улыбку и ступила на лужайку. Ощущение холодной росы на пальцах ног удивило меня. Я не заметила, что босая. Человек-пеликан не обратил на меня внимания, его глаза были обращены к небу, которое в этой части сада всегда было звездным.

– С вами все в порядке, мистер Пи? – Человек-пеликан злобно посмотрел на меня, он был взволнован. Я попыталась взять его за локоть – я старалась не касаться рук гротесков, если в этом не было необходимости, – но он отшатнулся. – Да, это был тревожный день, – спокойно продолжила я, поворачиваясь и направляя его к каменной скамье. Пустующее без хозяина жилище пеликана было заполнено почвой, там росло орегано, и когда кто-то садился рядом, травы начинали благоухать. Человек-пеликан находил это успокаивающим. Наконец, он направился к скамейке и свернулся калачиком в траве.

Я несколько минут смотрела на него, чтобы убедиться, что он действительно успокоился. По его темной коже и волосам можно было предположить, что он родом из Порфири, но красное, словно мешок, горло, раздувающееся и сокращающееся, не было похоже ни на что в этом мире. Какими бы яркими ни были мои видения, было страшно представить его – и других, сильнее искаженных, – где-то в реальности. Не могли же боги Порфири быть настолько жестокими и позволить Человеку-пеликану существовать? Моя ноша казалась легкой по сравнению с его.

Он оставался спокоен. С ним все в порядке, это было несложно. Сила моей головной боли казалась несоразмерной происходящему, но, скорее всего, другие взволнованы сильнее.

Я поднялась, чтобы продолжить свой обход, но мои босые ноги наткнулись на что-то холодное и кожистое в траве. Наклонившись, я подняла огромный кусок апельсиновой корки, а затем еще несколько кусочков, раскиданных среди нагромождения самшитов.

Я придала саду основные черты, свои для каждого гротеска – деревья для Фруктовой Летучей Мыши, звездное небо для Человека-пеликана и другие, – но мой глубинный разум, скрытое течение, которое Орма называл подсознанием, заполнило все остальное. Новые укра-

шения, чудные растения и статуи появлялись без моего вмешательства. Но мусор на лужайке казался неправильным.

Я бросила очистки под живую изгородь и вытерла руки об юбку. Я знала только одно апельсиновое дерево в саду. Я не стану беспокоиться, пока не увижу его.

Я нашла Мизерер рядом со скалистыми ступеньками, она выдергивала перья. Я проводила ее до гнезда. Тритон бился под яблонями, пытаясь растоптать колокольчики. Я отвела его к пыльной луже и натерла его нежную голову грязью. Я проверила замок на Ви-Коттедже, он был там, а затем босиком прошла через неожиданное поле чертополоха. Вдалеке я видела высокие деревья рощи Фруктовой Летучей Мыши. Я выбрала лаймовую дорожку, пробираясь в пышную часть сада, подбадривая, утешая, укладывая по пути всех в постель. В конце тропинки путь мне перекрыла зияющая дыра. Ущелье Громогласа изменило свое местоположение и перекрыло дорогу к финиковым пальмам Фруктовой Летучей Мыши.

Громоглас был лучшим самсамским дудочником, которого я встречала, моим любимчиком. Мне стыдно было признаться, но я больше тянулась к жителям, которые не сильно отличались от обычных людей. Этот аватар был странным, потому что издавал шум (отсюда и имя), строил разные вещи и иногда строго очерчивал свою территорию. Сначала я ужасно паниковала из-за этого. Был другой гротеск, Джаннула, которая любила повсюду бродить, и она пугала меня так сильно, что я заперла ее в Ви-Коттедже.

Эти видения были подобны подглядыванию за чужой жизнью через странную лупу. Джаннула каким-то образом могла взаимодействовать со мной через свой аватар. Она говорила со мной, допытывалась, подначивала, лгала. Она пила мои страхи, как нектар, и чувствовала мои желания. В конце концов она стала пытаться завладеть моими мыслями и контролировать мои действия. В панике я рассказала об этом Орме, и он помог мне запереть ее в Ви-Коттедже. Мне кое-как удалось запутать ее и заставить туда зайти. Трудно обмануть того, кто знает, о чем ты думаешь.

Поведение же Громогласа казалось естественным для аватара. У меня не было ощущения, что на меня смотрит самсамийский дудочник из реального мира. Бельведеры⁷ и увитые растениями беседки заполнили сад, подарки Громогласу от моего подсознания. Мне было приятно на них смотреть.

– Громоглас! – крикнула я с края ущелья. – Мне нужен мост!

Появилась сероглазая круглолицая голова, а за ней последовало слишком большое тело в самсамийском черном. Громоглас сидел на выступе утеса. Он вытащил три рыбины и дамскую ночную сорочку из своей сумки – все это время пронзительно крича – и построил для меня из этого мост.

Этот сад очень напоминал сновидение. Я старалась не задаваться вопросами насчет логики вещей.

– Как ты? Расстроен? – спросила я, погладив по его колючей светлой голове. Он заулюлюкал и исчез в расщелине. Это казалось нормальным, обычно дудочник был спокойнее остальных, возможно, потому что был так занят.

Я поспешила в рощу Фруктовой Летучей Мыши. Беспокойство снова стало меня догонять. Фруктовая Летучая Мышь был еще одним моим любимчиком, то единственное апельсиновое дерево в саду росло в роще фигов, фиников, лимонов и других порфирийских деревьев. Я дошла до рощи и взглянула наверх, но среди листьев Мыши не оказалось. Я посмотрела вниз: он собрал упавшие фрукты в крошечные пирамидки, но самого его нигде видно не было.

Раньше Летучая Мышь никогда не покидал свою территорию, ни разу. Я долгое время стояла там, уставившись на пустые деревья, пытаюсь рационально объяснить его отсутствие.

⁷ Бельведер (*фр.* Belvédère, от *итал.* belvedere – «прекрасный вид») – лёгкая постройка на возвышенности, позволяющая обозревать окрестности.

Пытаясь замедлить свое паникующее сердце.

Если Фруктовая Летучая Мышь находился где-то в саду, это бы объяснило апельсиновую корку на лужайке Человека-пеликана и могло даже растолковать причину и силу моей головной боли. Если один маленький порфирийский мальчик нашел способ смотреть на меня с той стороны лупы, как Джаннула... я вся похолодела. Это было невероятно. Должно быть другое объяснение. Необходимость оборвать связь с тем, кто мне необъяснимым образом так сильно нравился, разбила бы мое сердце.

Я шла вперед, помогая успокоиться оставшимся жителям, но сама находилась на грани паники. У Бормочущего ручья и Трех дюн валялось еще больше апельсиновых корок.

Последняя часть сада была Розовым Садам, владением чопорной мисс Суетливость. Это была низкая, крепкая пожилая женщина, в остроконечном чепце и толстых очках, неприглядная, но не очевидно искаженная. Я познакомилась с ней во время первой волны видений, она суетилась над ароматными блюдами. Вот откуда ее имя.

Мне понадобилось мгновение, чтобы заметить ее – мгновение, в которое я тряслась от паники, – но она просто стояла на четвереньках на земле под необычайно большой альбифлорой. Мисс Суетливость вырывала молоденькие сорняки до того, как они разрастутся. Это было эффективно, даже если и озадачивало. Она не казалась особо взволнованной и полностью меня игнорировала.

Я посмотрела на другую сторону лужайки, с солнечными часами, на ворота выхода. Я мечтала о постели и отдыхе, но прямо сейчас не могла уйти. Мне нужно было найти Фруктовую Летучую Мышь.

На солнечных часах лежала цельная кожура апельсина.

Там находился и сам мальчик, на древнем тисовом дереве рядом с пограничной стеной. Казалось, он доволен тем, что я его заметила. Он помахал мне рукой, спрыгнул вниз и бросился по лужайке с солнечными часами ко мне. Я рассматривала его, обеспокоенная сияющими глазами и улыбкой, пытаясь предугадать, что они могут означать.

Он протянул мне дольку апельсина. Она свернулась, словно креветка, на его коричневой руке.

Я уставилась на нее в смятении. Я могла специально вызвать видение, коснувшись руки мальчика. Так я делала по разу с каждым из них, взяв под контроль видения и оборвав их контроль надо мной. Это был единственный раз, когда я делала это специально. Это все еще казалось неправильным, словно я шпионила за людьми.

Фруктовая Летучая Мышь просто предлагал мне апельсин или хотел, чтобы я взяла его за руку? От последней мысли я покрылась мурашками. И сказала:

– Спасибо, Летучая Мышь, но сейчас я не голодна. Пойдем, найдем твои деревья.

Он последовал за мной, как щенок, мимо болот Пандовди, через сад бабочек, обратно к его родной роще. Я думала, что он запрыгнет обратно на деревья, но мальчик посмотрел на меня большими черными глазами и снова протянул дольку апельсина.

– Тебе нужно оставаться здесь, а не гулять всюду, – упрекнула я его. – И так плохо, что так делает Громоглас. Понимаешь?

Мальчик никак не выразил понимания. Он съел кусочек апельсина, смотря вдаль. Я погладила его пушистые волосы и подождала, пока он не заберется на дерево, прежде чем уйти.

Я дошла до ворот, поклонилась лужайке с солнечными часами и произнесла определенные слова прощания:

– Это мой сад, все в арде. Я верно ухаживаю за ним, пусть он будет верен мне.

Я открыла глаза в собственной комнате и стала растирать затекшие конечности. Налила себе немного воды из кувшина на столе и кинула валик обратно на кровать. Моя головная боль исчезла, видимо, я решила проблему, даже не поняв ее.

Орма что-нибудь подскажет насчет этого. Я решила спросить его завтра, эта мысль успокоила мою тревогу, и я заснула.

Моя утренняя рутина была тщательно продуманной и занимала много времени, поэтому Орма дал мне часы, издающие богохульное чириканье в ранний час, когда мне приходилось вставать. Я держала их наверху, в приемной, в корзине вместе с другими безделушками, чтобы окончательно проснуться, пока я иду выключать будильник.

Это хорошая система, но когда я была слишком измотана, могла забыть завести будильник. Я просыпалась в панике за полчаса до начала занятий.

Я вытащила руки из рукавов ночной рубашки и продела их через горло, опустив льняное одеяние до бедер, как юбку. Налила воды из кувшина в тазик и добавила воды из чайника, которая была немногим теплее из-за того, что чайник простоял всю ночь у очага. Я протерла чешую на руке и вокруг торса мягкой тканью. Сами чешуйки не были чувствительны к температуре, но сегодня вода оказалась слишком холодной, так что это занятие нельзя назвать приятным.

Все мылись раз в неделю, но никого больше не волновали возможные клещи в чешуе. Я вытерлась и бросилась к книжной полке за горшочком с мазью. Только определенные травы, переработанные в эмульсию на гусином жире, останавливали зуд в чешуе. Орма нашел хорошего поставщика в дружелюбной к драконам части города, районе под названием Квигхоул.

Обычно я практиковала улыбки, пока смазывала чешую, решив, что если могу улыбаться в это время, то смогу улыбнуться всему. Сегодня у меня действительно не было времени.

Я подтянула рубашку и завязала веревкой левую руку, чтобы рукав не поднимался. Надела верхнюю юбку, мантию и накидку. Я носила как минимум три слоя одежды, даже летом. Повязала белый пояс в знак уважения к принцу Руфусу, быстро причесала волосы и бросилась в коридор, чувствуя себя менее чем готовой встретиться с миром.

Виридиус, растянувшийся на своем специальном диванчике для подагры, уже начал руководить дворцовым оркестром, когда я прибыла, запыхавшись, со свертком завтрака в руке. Он грозно взглянул на меня, его нахмуренные брови были почти рыжими, хотя бахрома волос вокруг его головы была поразительно белой. Басовая линия сбилась, и он гавкнул.

– *Гло-ри-я*, вы банда бездельников! Почему ваши рты замолчали? Моя рука остановилась? Совсем нет!

– Простите, что опоздала, – пробормотала я, но он даже не соизволил взглянуть на меня еще раз, пока не раздался последний аккорд.

– Лучше, – сказал он хору, прежде чем обратить на меня строгий взгляд. – Ну?

Я притворилась, что это «ну» относилось к вопросу о вчерашнем выступлении.

– Похороны прошли хорошо, как вы, наверное, уже слышали. Гунтард случайно сломал трость шалмея⁸, сев...

– У меня была дополнительная трость, – подключился Гунтард, который являлся одним из дублеров в хоре.

– Которую ты нашел в таверне намного позже, – ввернул кто-то.

Виридиус заставил всех замолчать, поморщившись.

– Хор идиотов да воздержится от идиотства! Мисс Домбег, я спрашивал причину вашего опоздания. И лучше бы ей быть уважительной!

Я тяжело сглотнула, повторяя про себя: «Я хотела получить эту работу!» Я была почитательницей музыки Виридиуса с того момента, как увидела его фантазии, но было трудно соотносить композитора выдающейся «Сюиты⁹ к инфанте» с грубоватым стариком на диване.

Хористы смотрели на меня с интересом. Многие из них проходили собеседование на мою должность, и когда Виридиус ругал меня, они радовались, что избежали такой участи.

Я присела в напряженном реверансе:

– Я проспала. Это больше не повторится.

Виридиус покачал головой так сильно, что его щеки вздрогнули.

– Мне нужно повторять для вас всех, дилетантов-жалобщиков, что когда прибудет Ардмагар Комонот, о гостеприимстве нашей королевы – нет, ценности всей нашей нации – будут судить по качеству исполнения?

Несколько музыкантов засмеялось. Виридиус утихомирил все веселье своим хмурым видом.

– Думаете, это смешно, вы, лишённые слуха преступники? Музыка – единственное, в чем драконы никогда не будут лучше нас. Они хотели бы, они очарованы, они пробовали снова и снова. Они достигают технической идеальности, но всегда чего-то не хватает. Знаете почему?

Я повторила вместе с остальным хором, хотя мои внутренности похолодели.

– Потому что у драконов нет души!

– Именно! – сказал Виридиус и помахал своим избитым подагрой кулаком. – Они не могут превзойти нас – принять великолепный, посланный Небесами дар, который нам достается естественным образом. Нам нужно утереть им носы!

Хористы издали тихое «ура!», прежде чем разойтись. Я отошла с дороги, и они прошли мимо. Виридиус хотел бы, чтобы я осталась и поговорила с ним. Конечно, семи или девяти певцам нужно было задать срочные вопросы. Они сгрудились вокруг его дивана, теща его эго, словно он был Пашега Зизиба. Виридиус принимал их похвалы как нечто само собой разумеющееся, словно они просто возвращали ему свои мантии хористов.

– Серафина! – прогремел мой руководитель, обращая свое внимание наконец на меня. – Я слышал комплименты твоему «Обращению...». Хотел бы я там быть. Эта адская болезнь делает из моего собственного тела тюрьму.

Я трепала манжет своего левого рукава, понимая его лучше, чем он мог себе представить.

– Принеси чернила, девочка, – сказал он. – Мне нужно кое-что вычеркнуть из списка.

Я принесла письменные принадлежности и список задач, который он мне продиктовал, когда я только начала на него работать. Осталось всего десять дней до прибытия Ардмагара Комонота, генерала драконов. В первый вечер должны состояться приветственный концерт и бал, а через несколько дней праздник годовщины Мирного Договора, который будет длиться всю ночь. Я работала две недели, но дел осталось еще много.

⁸ Шалмей (от *лат.* *calamus* – «камыш», «тростник»; старофранц. *chalemie*, *нем.* *Schalmayen*) – язычковый, двухсекционный, деревянный духовой музыкальный инструмент с двойной тростью.

⁹ Сюита (с *фр.* *suite* – «ряд», «последовательность», «чередование») – музыкальное произведение из нескольких разнохарактерных пьес, объединённых единством замысла.

Я прочитала список вслух, строчку за строчкой, Виридиус прерывал меня по ходу. Он кричал: «Сцена закончена! Вычеркни!» – а затем позже: «Почему ты еще не поговорила с сомелье? Это самая легкая задача в списке! Я что, стал придворным композитором благодаря отличному безделью? Едва ли!»

Мы подошли к вопросу, которого я больше всего боялась: прослушивание. Виридиус сузил водянистые глаза и сказал:

– Да, как продвигаются прослушивания, мисс Домбег?

Он отлично знал, как они продвигались, но явно хотел увидеть, как я нервничаю. Я постаралась ответить спокойным голосом:

– Мне пришлось отменить большую часть из-за неожиданной гибели принца Руфуса – пусть трапезничает он со святыми за Небесным столом. Я перенесла некоторые на...

– Прослушивания нельзя было откладывать на последний момент! – прокричал он. – Я хотел, чтобы исполнителей избрали еще месяц назад!

– Со всем уважением, маэстро, месяц назад меня еще не наняли.

– Думаешь, я этого не знаю? – Уголки его губ то поднимались, то опускались, он уставился на забинтованные руки. – Прости меня, – наконец сказал он хриплым голосом. – Горько не иметь возможности делать все то, к чему привык. Умирай, пока молода, Серафина. Терциус был прав.

Я не знала, что на это ответить.

– Все не так плохо, как кажется. Ваши многочисленные протеже придут, программа уже наполовину составлена.

Он задумчиво кивнул при упоминании учеников. У этого человека было больше протеже, чем у большинства людей – друзей. Близилось время урока принцессы Глиссельды, поэтому я закрыла баночку с чернилами и стала быстро вытирать перо тряпкой.

Виридиус спросил:

– Когда ты сможешь встретиться с тем парнем, что придумал меггармониум?

– Кем? – спросила я, убирая ручку в коробку к другим.

Он закатил красные глаза.

– Объясни мне, зачем я пишу все эти заметки, если ты их не читаешь? Создатель меггармониума хочет встретиться с тобой. – Видимо, я продолжала так же непонимающе смотреть на него, потому что он проговорил громко и медленно, словно я была тупицей: – Огромный инструмент, который мы собираем в северном трансепте Святой Гобайт? Ме-га-гар-мо-ниум?

Я вспомнила строение, виденное мной в соборе, а не записку, которую, наверное, пропустила.

– Это музыкальный инструмент? Похоже на машину.

– И то и другое! – закричал он, и его глаза зажглись от радости. – И он почти закончен. Я сам проспонсировал половину машины. Это достойный проект для помиряющего старика. Наследство. Он будет издавать звук, какого мир раньше не слышал!

Я удивленно взглянула на него. Внутри этого раздражительного старика я увидела взволнованного молодого человека.

– Ты должна встретиться с ним, еще одним моим протеже, Ларсом, – объявил он так, словно был Епископом Дивана Подагры, вещающим с кафедры. – Он также построил Часы Комонота на Соборной площади. Он настоящий гений. Вы отлично поладите. Он приходит только поздно ночью, но я смогу убедить его выбрать нормальное время. Я сообщу тебе, когда сегодня вечером увидимся в Голубом Салоне.

– Не сегодня, простите меня, – сказала я, поднимаясь и забирая свои книги по игре на клавесине с одной из загроможденных полок Виридиуса.

Принцесса Глиссельда организовывала концерт почти каждый вечер в Голубом Салоне. Меня регулярно приглашали, но я так и не сходила туда, несмотря на приставания и ругатель-

ства Виридиуса. Необходимость оставаться настороже и весь день осторожничать утомляла, и я не могла задерживаться допоздна, потому что мне нужно было следить за садом и соблюдать режим ухода за чешуей, который я не смела игнорировать. Я не могла рассказать об этом Виридиусу. Я постоянно жаловалась на стеснительность, но он все равно настаивал.

Старик приподнял кустистую бровь и почесал обвислые щеки.

– При дворе ты выше не пойдешь, если закроешься ото всех, Серафина.

– Я именно там, где хочу быть, – сказала я, перебирая пергаменты.

– Ты рискуешь оскорбить принцессу Глиссельду, постоянно отказываясь от ее приглашения. – Он подозрительно прищурился, глядя на меня, и добавил: – Это не совсем нормально, не так ли, быть настолько отстраненной от общества?

Все внутри меня напряглось. Я пожала плечами, не показывая, что уязвлена выражением «не совсем нормально».

– Ты придешь сегодня вечером, – сказал старик.

– У меня уже есть планы на вечер, – сказала я, улыбаясь. Вот почему я столько тренировалась.

– Значит, придешь завтра вечером! – крикнул он, выплескивая на меня свой гнев. – Голубой Салон, девять часов! Ты будешь там или внезапно окажешься без работы!

Я не понимала, блефует он или нет. Я еще не настолько хорошо его знала. Я судорожно вздохнула. Я не умру, если схожу один раз, на полчаса.

– Простите меня, сэр, – сказала я, склонив голову. – Конечно, я приду. Я не осознавала, насколько это важно для вас.

Удерживая улыбку, словно щит между нами, я сделала реверанс и покинула комнату.

Я услышала их хихиканье из коридора: принцессы Глиссельды и придворной дамы, которую она притащила вместе с собой в этот раз. Кажется, это была ее сверстница, судя по тембру смеха. Мгновение я пыталась представить, как мог бы звучать концерт хихиканья. Нам бы понадобился хор...

– Она очень-очень чудная? – спросила придворная дама.

Я замерла. Этот вопрос не мог касаться меня, так ведь?

– Ведите себя пристойно! – закричала принцесса, ее смех напоминал журчанье ручейка. – Я сказала колючая, а не чудная!

Я почувствовала, как лицо заливают краска. Колючая? Я правда такой была?

– В любом случае у нее доброе сердце, – добавила принцесса Глиссельда, – что делает ее противоположностью Виридиуса. И она почти красива, если бы у нее только не было пристрастия к этим ужасным платьям! И я не могу понять, что она делает со своими волосами.

– Это можно легко исправить, – сказала дама.

Я достаточно наслушалась. Я прошла через дверной проем, вскипая, но пытаюсь не подтвердить свою репутацию. Придворная дама оказалась наполовину порфирийкой, судя по ее темным кудрям и коже теплого коричневого цвета. Она приложила руку ко рту, смущаясь, что ее услышали. Принцесса Глиссельда вскрикнула:

– Фина! Мы как раз говорили о тебе!

Это привилегия принцессы – никогда не испытывать социальной неловкости. Она улыбнулась, совершенно не испытывая стыда. Солнечный свет, льющийся через окно позади нее, создавал ореол вокруг золотых волос. Я присела в реверансе и подошла к клавесину.

Принцесса Глиссельда поднялась со своего места у окна и поплыла за мной. Ей было пятнадцать, на год младше меня, и из-за этого учить ее было странно. Для своего возраста она была миниатюрной, из-за этого я ощущала себя неуклюжим великаном. Ей нравилась украшенная жемчугом парча. Принцесса обладала такой уверенностью, о которой я и мечтать не могла.

– Фина, – прочитала она, – познакомься с леди Милифреной. Она, как и ты, отягощена без надобности длинным именем, поэтому я зову ее Милли.

Я кивнула, здороваясь с Милли, но прикусила язык, чтобы не ответить, как глупо звучит этот комментарий от человека по имени Глиссельда.

– Я сделала выбор, – объявила принцесса. – Я буду выступать на концерте в честь годовщины Мирного Договора, исполняя гальярду и павану¹⁰. И музыку не Виридиуса, а Терциуса.

Я остановилась, держа книгу в руке и взвешивая свои следующие слова.

– Арпеджио¹¹ Терциуса были для вас очень сложной задачей, если вы помните...

– Ты намекаешь, что моих навыков недостаточно? – Глиссельда угрожающе подняла подбородок.

– Нет. Я просто напоминаю вам, что вы назвали Терциуса «паршивой зловредной жабой» и кинули ноты через всю комнату. – Тут обе девушки рассмеялись. Я добавила так аккуратно, словно ступая по шаткому мосту: – Если будете репетировать и принимать во внимание мои советы о движении пальцев, вы сможете хорошо поработать над ним. *«Достаточно хорошо, чтобы не опозориться»*, – могла бы добавить я, но это показалось мне неразумным.

– Я хочу показать Виридиусу, что играть Терциуса плохо лучше, чем играть его ничтожные мелодии, – сказала она, качая пальцем. – Могу я достичь такого уровня мелочной мстительности?

– Без сомнений, – сказала я, а затем подумала, стоило ли отвечать так быстро. Обе девушки снова смеялись, и я решила, что опасность миновала.

Глиссельда уселась на скамейку, потянула свои элегантные пальцы и занялась Терциусом. Однажды Виридиус объявил ее «такой же музыкальной, как вареная капуста» – громко и перед всем двором, – но я считала, что она прикладывает много усилий и ведет себя заинтересованно, когда с ней обращаются уважительно. Мы бились над этими арпеджио больше часа. У Глиссельды маленькие руки – репетировать будет нелегко – но она не жаловалась и не сдавалась.

Урчание моего желудка прервало урок. Даже мое тело может быть грубым!

– Мы должны позволить твоей бедной учительнице пойти на обед, – сказала Милли.

– Это был твой живот? – оживленно спросила принцесса. – Я могла бы поклясться, что в комнате был дракон! Защити нас, святой Огдо, а то она обглодает наши косточки!

Я пробежала языком по зубам, пытаясь успокоиться.

– Знаю, что оскорблять драконов – нечто вроде национального спорта для нас, горедийцев, но Ардмагар Комонот скоро прибывает, и не думаю, что его позабавят такие разговоры.

Псы святых. Я была колючей, даже когда старалась не быть такой. Она не преувеличивала.

– Драконов ничто не забавляет, – сказала Глиссельда, поднимая бровь.

– Но она права, – сказала Милли, – грубость есть грубость, даже ненарочная.

Глиссельда закатила глаза:

¹⁰ Гальярда и павана – торжественные церемониальные танцы итальянского происхождения, распространенные в Европе в XVI в.

¹¹ Арпеджио (*итал.* *arpeggio*, от *arpeggiare* – «играть на арфе») – музыкальная техника, заключающаяся в последовательном взятии нот аккорда. При арпеджио аккорд получается разобранным по нотам – ноты звучат одна за другой, но общая длительность созвучия остается прежней.

– Знаете, что сказала бы леди Коронги? Мы должны показать им свое превосходство и поставить их на место. Занять лидирующее положение, или они займут его. Драконы не понимают другого языка.

Это показалось мне чрезвычайно опасным способом взаимодействия с драконами. Я колебалась, неуверенная, вправе ли я исправлять леди Коронги, гувернантку Глиссельды, которая стояла выше меня по положению во всех возможных смыслах.

– Почему ты думаешь, они наконец сдались? – спросила Глиссельда. – Потому что почувствовали наше превосходство – военное, интеллектуальное и моральное.

– Так говорит леди Коронги? – спросила я взволнованно, хотя пыталась это скрыть.

– Так все говорят, – фыркнула Глиссельда. – Драконы нам завидуют. Вот почему они принимают нашу форму, когда могут.

Я уставилась на нее. Голубая святая Пру, Глиссельда когда-нибудь станет королевой! Она должна понимать истинное положение вещей.

– Мы их не победили, что бы вам ни рассказывали. Наша дракомахия дает нам приблизительное равенство. Они не смогли бы победить без напрасных потерь. Они не сдались, а только согласились на перемирие.

Глиссельда сморщила носик:

– Хочешь сказать, что мы совсем не властвуем над ними?

– Нет, к счастью! – сказала я, вставая и пытаюсь скрыть свое волнение, меняя местами нотные листы на пюпитре. – Они бы этого не потерпели. Они бы ждали, пока мы не расслабимся и ослабим защиту.

Глиссельда казалась глубоко взволнованной.

– Но если мы слабее, чем они...

Я оперлась на клавесин:

– Дело не в силе или слабости, принцесса. Почему, как вы думаете, наши народы сражались так долго?

Глиссельда сцепила руки, слово читая маленькую проповедь:

– Драконы ненавидят нас, потому что мы справедливы и нас любят святые. Зло всегда пытается разрушить добро, восставшее против него.

– Нет. – Я чуть не ударила по крышке клавесина, но опомнилась вовремя, замедлив движение и дважды похлопав по нему. Тем не менее девочки уставились на меня круглыми глазами в ожидании ответов. Я постаралась смягчиться. – Драконы хотели вернуть эти земли. Горедд, Нинис и Самсам были их охотничьими угодьями. Здесь обитали крупные животные – олени, туры, шерстистый олень – и паслись такими стадами, что тянулись до горизонта, прежде чем мы пришли и вспахали землю.

– Это было очень давно. Не могут же они все еще скучать по ним, – заметила Глиссельда.

Я одернула себя, что неразумно делать выводы о ее уме по ангельскому личику. Ее взгляд был таким же пронизательным, как у ее кузена Люсиана.

– Наш народ мигрировал сюда два тысячелетия назад, – сказала я. – Это десять поколений драконов. Стада вымерли примерно тысячу лет назад, но драконы действительно все еще ощущают потерю. Им достались лишь горы, где их популяция уменьшается.

– Они не могут охотиться на северных равнинах? – спросила принцесса.

– Могут и охотятся, но северные равнины – это только треть объединенных Южных земель, и они тоже не пусты. Драконы соперничают с племенами варваров за вымирающие стада.

– Они не могут просто есть варваров? – спросила Глиссельда.

Мне не понравился ее высокомерный тон, но я не могла об этом сказать. Я провела пальцем по декоративной вставке на крышке инструмента, выпуская в движение по завитушкам свое раздражение, и сказала:

– Мы, люди, не очень хороши для еды – слишком жилистые. И на нас неинтересно охотиться, потому что мы собираемся вместе и защищаемся. Мой учитель однажды слышал, как дракон сравнил нас с тараканами.

Милли сморщилась, но Глиссельда посмотрела на меня вопросительно. Очевидно, она никогда даже таракана не видела. Я позволила Милли объяснить. Описание насекомых вызвало возмущение принцессы:

– Каким образом мы похожи на этих вредителей?

– Посмотрите глазами дракона: мы повсюду, мы можем легко прятаться, мы размножаемся относительно быстро, мы портим охоту и плохо пахнем.

Девочки поморщились.

– Мы не плохо пахнем! – сказала Милли.

– Для них – неприятно. – Эта аналогия показалась мне особенно удачной, поэтому я довела ее до логического завершения. – Представьте, что вы наткнулись на гнездо ужасных паразитов в своем саду. Что бы вы сделали?

– Убили их! – воскликнули обе девушки одновременно.

– А что, если тараканы умны, работают сообща и используют тараканью дракомахию против нас? Что, если у них есть реальные шансы на победу?

Глиссельда поежилась от ужаса, а Милли сказала:

– В таком случае нам нужно было бы заключить с ними перемирие. Позволить им забрать определенные территории, если они оставят в покое те, на которых мы живем.

– Но мы бы в действительности пошли на это не по-настоящему, – мрачно заметила принцесса, барабая пальцами по верхушке клавесина. – Мы бы притворились, что заключили мир, а потом подожгли бы их территории.

Я засмеялась, она удивила меня.

– Напомни мне не попадать в список твоих врагов, принцесса. А если бы тараканы властвовали над нами, мы бы не сдались? Мы бы использовали уловку против них?

– Именно.

– Ладно. Можете поразмыслить кое о чем... Что сделали бы тараканы, чтобы убедить нас сохранить им жизнь?

Девушки обменялись скептическими взглядами.

– Тараканы могут только бестолково бегать и портить еду, – сказала Милли, обхватывая себя руками. Я поняла, что она прочувствовала это на собственной шкуре.

Глиссельда от усердия высунула кончик языка изо рта, раздумывая над вопросом.

– Что, если бы у них был светский двор или они строили бы соборы и занимались поэзией?

– Ты бы позволила им жить?

– Возможно. Но насколько они были бы уродливы в действительности?

Я широко улыбнулась.

– Слишком поздно: ты заметила, что они интересны. Ты понимаешь их язык. Что, если ты еще и можешь становиться такой, как они, на короткое время?

Они начали корчиться от смеха. Я видела, что они поняли аналогию, но решила завершить защиту своей точки зрения:

– Наше выживание зависит не от перевеса сил, а от того, сможем ли мы быть достаточно интересными.

– Скажи мне, – попросила Глиссельда, одолжив вышитый платок Милли, чтобы вытереть глаза, – откуда обычная ассистентка музыканта знает так много о драконах?

Я встретила с ней взглядом, подавляя дрожь в голосе:

– Мой отец – королевский эксперт-юрист по Соглашению Комонота. Бывало, он читал его мне, как сказку на ночь.

Этот факт не был абсолютным объяснением моих знаний, как мне казалось, но девушкам показался таким забавным, что они больше не задавали вопросов. Я улыбалась вместе с ними, но ощутила горечь из-за моего бедного грустного отца. Он так отчаянно хотел понять, преступил он закон или нет, за то, что, не ведая, женился на саантресе.

Согласно поговорке, он был глубоко в слюне святого Витта. Мы оба. Я сделала реверанс и быстро ушла, пока эта Небесная слюна не стала очевидна девушкам. Мое собственное выживание требовало равновесия интересного и невидимого.

5

Я, как всегда, испытала облегчение, вернувшись в свои комнаты вечером. Мне нужно было порепетировать, но до смерти хотелось прочитать книгу о синус-песнях Зибу, и, конечно, у меня было много вопросов к дяде. Я села сначала перед спинетом и сыграла удивительно диссонансный аккорд – сигнал Орме, что мне нужно поговорить.

– Добрый вечер, Фина, – прогремел бас котенка.

– Фруктовая Мышь начал бродить по саду. Я волнуюсь...

– Стой, – сказал Орма. – Вчера ты оскорбилась, что я не поприветствовал тебя, а сегодня ты сама сразу переходишь к делу. Я хочу, чтобы ты оценила мой «Добрый вечер».

Я засмеялась.

– Я оценила. Но послушай: у меня проблема.

– Уверен, что так, – сказал он, – но через пять минут ко мне придет ученик. Твоя проблема на пять минут?

– Сомневаюсь. – Я подумала. – Могу я прийти к тебе в Святую Иду? Неудобно обсуждать это через спинет.

– Как хочешь, – сказал он. – Но дай мне, по крайней мере, час. Этот ученик удивительно неспособный.

Пока я одевалась, осознала, что так ничего и не сделала с кровью Базинда на плаще. Кровь дракона давно высохла, но все еще светилась. Я хлопнула по пятну, вызвав бурю маленьких серебряных хлопьев. Почистила плащ, как могла, и стряхнула остатки сияющей крови в камин.

Я выбрала Королевскую дорогу, которая спускалась широкими грациозными изгибами. Улицы были темными и тихими, подсвеченные одной лишь четвертью луны, светом из окон и редкими зеркальными фонарями Спекулуса, которые рано зажгли. Внизу, у реки, воздух был сладким от древесного дыма, насыщенным чесночным запахом чужого ужина и густым от вони из выгребной ямы на заднем дворе. Или, возможно, потрохов – близко находилась мясная лавка?

Из теней на открытую улицу передо мной выступила фигура. Я замерла, а сердце заколотилось. Она пошаркала ко мне, и удушающий запах стал явственнее. Я закашлялась от вони и потянулась к маленькому ножу, спрятанному в подоле моего плаща.

Темная фигура подняла левую руку навстречу мне, ладонью вверх, словно прося милостыню. Затем подняла вторую левую руку и произнесла:

– Тшлу-тслу-тщлуууу?

Хвостик голубого пламени метался вокруг рта, подобного клюву, когда оно говорило, освещая на мгновение свои черты: гладкую чешуйчатую кожу, шипастый, как у игуаны Зибу, гребень, выпуклые круглые глаза, которые вращались независимо друг от друга.

Я выдохнула. Это был всего лишь побирающийся квигутл.

Квигутл – второй вид драконов, намного мельче саарантраи. Этот был примерно моего роста, высокий для квигутла. Квигутлы не могли менять форму. Они жили рядом с саарантраи в горах, прятались в трещинах и разломах более крупных логовищ драконов, питаясь мусором и пользуясь своими четырьмя руками, чтобы изготавливать сложные крошечные устройства, такие как серьги саарантраи. Кви́ги были включены в Мирное Соглашение из вежливости, никто не думал, что они массово придут на юг, или им так понравятся уголки, щели – и мусор – города.

Кви́ги не говорили на языке гореддийцев, так как у них не было губ, а язык напоминал пустую тростинку, однако большинство знали гореддийский. Сама я понимала язык кви́гов, это был очень шепелявый Мутья. Существо спросило:

– Я чушштвую монетссу, девушщца?

– Вам не стоит просить милостыню после наступления темноты, – упрекнула я квига. – Почему вы не в Квигхоуле? Вам опасно находиться на улицах. На одного из ваших братьев-саарантраи напали вчера при свете дня.

– Дасс, я все виделшши с крышци ссссклада, – сказал он. Его трубковидный язык мелькал между зубами, брызги слюны орошали его пятнистый живот. – У тебя дружесственный запахс, но тышши не сссаар. Я удивленнс, шшто тышши понимаешсссь меня.

– У меня талант к языкам, – ответила я. Орма сказал мне, что моя чешуя пахнет сааром, хотя и едва заметно. Он добавил, что саарантрасу придется близко поднести нос, чтобы почувствовать запах. У квигутлов было более острое обоняние?

Он подошел ближе и обнюхал кровавое пятно на моем плече.

Дыхание квига было таким ужасным, скручивающим внутренности, что я не понимала, как он мог ощутить нечто с более слабым ароматом. У меня никогда не получалось почувствовать запах саара, даже Ормы. Когда квиг отошел, я сама принюхалась к пятну. Я ощущала присутствие чужого запаха в ноздрах – ощущение скорее тактильное, чем обонятельное – но я ничего не могла по нему определить.

Острая боль пронзила мою голову, словно в пазухи вогнали шипы.

– У тебя два запахса, ссаара, – сообщило существо, – и маленькогос кошщелька с пятьшю ссеребряными и ссс воссемью меднымишши монетссками и ножшшом – дешшевая сталь, очшшень тупая. – Даже эти маленькие драконы были педантично точными.

– Ты можешшь почувствовать остроту моего ножа? – спросила я, прижимая ребра ладоней к вискам, словно могла раздавить боль. Это не помогло.

– Я мог почувствовать, сссколько волоссков у тебяшши на головесс, есссли бы хотелшши, а ясс не хочу.

– Мило. Ну, я не могу просто отдать тебе монеты. Я отдаю металл за металл, – сказала я, такой ответ я слышала от Ормы на попрошайничество квигутлов. Так бы не ответил обычный гореддиец, и я не стала бы пытаться, если рядом были свидетели, но Орма таким образом приобрел мне несколько безделушек. Я держала эксцентричную коллекцию вдали от любопытных глаз, в маленькой корзиночке. Они не были нелегальными – всего лишь игрушки, – но такие «демонические устройства» могли бы испугать служанок.

Квигутл моргнул и облизнул рот. Этих существ не волновали деньги сами по себе, им нужен был металл для работы, а мы носили его в удобных отмеренных количествах.

Позади квигутла на полквартила вверх по улице с шумом распахнулись двери конюшни. Появился мальчик с двумя фонарями и повесил их по обеим сторонам в ожидании, когда всадники вернутся домой. Квиг глянул через плечо, но мальчик смотрел в другую сторону.

Шипастый силуэт квигутла выделялся на свету, его глаза вылезали и прятались обратно, пока он раздумывал, что бы продать. Он потянул руку к глотке, в раздуваемый горловой мешок и вытащил два предмета.

– У меня сс ссобой только маленькаяшши вещщичка: меднаяшши рыбка сс сссеребряной фффилигранью. – Рыбка висела между его большими пальцами правой руки – и это была скорее жестяная ящерица с человеческой головой.

Я прищурилась в тусклом свете, исходящем от конюшни. Человек с лицом ящерицы был ужасен. Внезапно я захотела эту вещичку, словно это был брошенный гротеск, которому нужно было место для жизни.

– Я бы обменялшши егосс на двашш ссеребряныхх, – сказал квиг, заметив мое внимание. – Можшшет показатсьсся, шшто дороговатосс для жшшести, но работа кропотливаяшши.

Позади моего товарища-рептилии послышался стук копыт приближающихся лошадей. Я подняла взгляд, остерегаясь того, что нас увидят. Квигов и раньше били в этом городе за приставания к женщинам. Я пыталась не думать о том, что происходило с женщинами, которые обращались к квигам с добротой. Приближающиеся всадники остановились у конюшни и даже

не взглянули в нашу сторону. Их шпоры зазвенели, когда ноги коснулись брусчатки. У каждого за поясом был кинжал. В свете фонаря сверкнула сталь.

Мне нужно было срочно отправить квига домой и добраться до Ормы. Я подумала, что запах саара мог вызвать мою внезапную головную боль, но она не ослабевала. Два приступа головной боли два дня подряд могут означать только неприятности.

Я вытащила кошелек из рукава.

– Я согласна на обмен, но ты должен убедить меня, что «кропотливая» не значит «незаконная». – Некоторыми изобретениями квиггов – теми, что могли видеть, слышать или говорить через большие расстояния, – могли владеть только саарантраи. Некоторыми другими, такими как дверные черви или взрывчатые механизмы, пользоваться было запрещено.

Существо изобразило потрясение.

– Ничччего нелегальногош! Ясс законопослушщщный...

– За исключением того, что шатаешься после наступления темноты вне Квигхоула, – упрекнула я его, отдавая серебро. Он кинул монеты в рот. Я убрала фигурку ящерицы в сумку и крепко затянула кожаные шнурки.

Когда я снова подняла взгляд, квигутл ушел, полностью растворился в темноте без единого звука. Два всадника неслись в мою сторону, обнажив кинжалы.

– Святой Даан на сковородке! – закричал один из них. – Липкий дерьмод пробегал прямо по стене дома!

– Девушка, вы в порядке? – спросил другой, пониже второго, невежливо схватив меня за руку. От него разило таверной.

– Спасибо, что прогнали его, – сказала я, освобождаясь из его хватки. В моей голове стучало. – Он попрошайничал. Вы знаете, какими настойчивыми они могут быть.

Коротышка заметил кошелек в моей руке.

– Ох, черт, вы же не дали ему денег, не так ли? Это только подбадривает паразитов.

– Черви-попрошайки! – прорычал высокий мужчина, все еще осматривая стену здания, держа кинжал наготове. Он был похож на брата Коротышки, с таким же широким носом. Я решила, что они торговцы: их элегантные и прочные шерстяные одежды говорили о том, что у них водились деньги и они предпочитали практичность.

Высокий сплюнул.

– И пять кварталов пройти нельзя, чтобы не натолкнуться на них.

– Нельзя в свой собственный подвал спуститься и не найти такого, свернувшегося в ящике с луком, – сказал Коротышка, наигранно размахивая руками. – Наша сестра Луиза однажды нашла одного, прилипшего ко дну стола в столовой. Он дышал своим зловонием на праздничную трапезу в честь Спекулуса, и ребенок получил падучую болезнь. Но может ли ее муж защитить себя от вторгнувшегося в его дом квига? Не может или окажется в тюрьме!

Я слышала про этот случай. Мой отец защищал квигутла в суде и выиграл дело. Но после этого у входов в Квигхоул выстроили ворота, запирающие его жителей-драконов на ночь, – конечно же, ради их безопасности. Уважающие закон ученые-саарантраи в коллегии святого Берта протестовали. Мой отец представлял и их, но безрезультатно. Квигхоул больше напоминал дыру, чем убежище.

Хотела бы я сказать этим братьям, что квигутлы не хотели причинять вреда; что эти существа словно не понимали разницы между своим и чужим, когда дело касалось жилища; и что свиньи пахнут так же плохо, но никто не думает о том, что у свиней злобные намерения относительно людей или что они распространяют болезни. Я понимала, что эти люди не поблагодарят меня за просвещение.

Братья светились, сильное свечение исходило из-под их кожи, словно их внутренности были расплавленным свинцом, словно они загорятся в любую секунду.

О нет. Этот ореол был единственным предупреждением о том, что сейчас на меня нахлынет видение. Теперь я ничего не могла сделать, чтобы сдержать его. Я села на дорогу и прижала голову к коленям так, чтобы не удариться, когда упаду.

– Вам нехорошо? – спросил Коротышка, и его голос доходил до меня волнами, словно он говорил через воду.

– Не дайте мне прикусить язык, – удалось произнести мне, прежде чем я упала и мое сознание завертелось в водовороте видения.

Мое невидимое око зависло под потолком комнаты с тремя массивными кроватями и кучей нераспакованного багажа. Шелковые шарфы, зеленые, золотые и розовые, были грудой свалены в углу, вперемешку с переливчатыми ожерельями из бусинок, веерами из перьев и нитями поблекших монет. Это явно был постоялый двор. На каждой кровати поместилось бы по шесть людей.

Сейчас в комнате находился только один человек. Я знала его, хотя он и вырос за многие годы с моего последнего видения, и он был не на дереве.

Порфирийская женщина просунула голову через дверь, заплетенные пряди волос толщиной с палец, с серебряной бусиной на каждой, обрамляли ее лицо. Она говорила с Фруктовой Летучей Мышью на порфирийском, а он сидел на центральной кровати, скрестив ноги и глядя в потолок. Он вздрогнул, словно та прервала его размышления. Ее брови поднялись, она извинилась и показала жестами, будто что-то ест. Мальчик отрицательно покачал головой, и она беззвучно закрыла за собой дверь.

Он встал, его босые ноги погрузились в комковатый соломенный матрас. На нем были порфирийские штаны и туника длиной до колена, амулет паедис на шее и маленькие золотые сережки. Он медленно помахал руками в воздухе, словно разрывал паутину над собой. Соломенный матрас почти не пружинил, но Мышь подпрыгивал так высоко, как мог, и с третьей попытки коснулся потолка.

Никто в моих видениях раньше не осознавал моего присутствия. Да и как они могли? Меня на самом деле там не было. Он не смог бы коснуться моего лица, потому что его там не было, но я поняла, что пытаюсь отшатнуться от его ищущей руки.

Он нахмурился и осторожно почесал голову. Его волосы были собраны в пучки, а линии проборов формировали аккуратные маленькие шестигранники. Мальчик снова сел и пристально уставился в потолок, нахмурившись. Если бы это не было невозможным, я бы подумала, что он смотрит прямо на меня.

Я проснулась с солоноватой кожаной перчаткой в зубах. Я открыла глаза и увидела женщину, она держала мою голову и плечи на своих коленях. В одной руке у нее были зажаты молитвенные четки, она проворно перебирала бусины большим пальцем, ее губы быстро шевелились. Мой слух возвращался медленно, но я услышала, как она сказала:

– Святой Фустинан и святая Бранш, молитесь за нее. Святой Нинниан и святой Мун, будьте рядом с ней. Святой Абастер и святой Витт, защищайте ее.

Я резко села и выдернула перчатку изо рта, испугав женщину.

– Простите, – прохрипела я, прежде чем мой желудок исторг свое содержимое на брусчатку.

Она придержала мой лоб и передала мне белоснежно-белый платок, чтобы промокнуть рот. Она позвала:

– Братья! Она очнулась!

Ее братья, Коротышка и Высокий, появились из конюшни, ведя за собой лошадей, тянущих телегу с надписью «Братья Бродвик, Торговля тканями», выведенной черным на боку телеги. Втроем они завернули меня в добротное шерстяное одеяло и посадили в телегу. Женщина – я решила, это сестра, которую упомянул Коротышка, – подняла свое солидное тело и уселась рядом со мной. Она спросила:

– Куда нам тебя отвезти, девушка?

– Замок Оризон, – сказала я. Я не доберусь до Ормы сегодня ночью. Немного запоздало я вспомнила и добавила: – Пожалуйста.

Она добродушно рассмеялась и указала дорогу братьям, которые сами меня слышали. Телега подпрыгивала и качалась. Женщина взяла меня за руку и спросила, не холодно ли мне. Мне не было холодно. Оставшуюся часть дороги она советовала мне, как вывести пятна с моего платья, испачкавшегося после падения на грязной улице.

Понадобилась почти вся поездка, чтобы мой пульс успокоился, а зубы перестали стучать. Я едва могла поверить в свою удачу, ведь я упала перед людьми, которые помогли мне. Я могла бы валяться в переулке, ограбленная и принятая за мертвую.

Луиза все еще болтала, но не о пятнах.

– ...Ужасное существо! Бедняжка. Должно быть, оно испугало тебя до полусмерти. Сайлас и Томас пытаются найти отраву для этих зеленых дьяволов, что-то такое, что можно закопать в мусоре и оставить незамеченным. Это нелегко. Они едят почти все, не так ли, Сайлас?

– От молока им плохо, – сказал коротышка, правя лошаадьми, – но от него они недохнут. Они хорошо переваривают сыр, так что дело в молочной сыворотке. Если мы усилим концентрацию молочной сыворотки...

– Они не станут есть отраву, – сказала я, мой голос был хриплым от рвоты. – У них такой острый нюх, что они не тронут ее.

– Вот почему мы прячем ее в мусоре, – сказал Сайлас, словно повторяя для глупого ребенка.

Я закрыла рот. Любое существо, способное ощутить остроту моего ножа, могло бы почувствовать что угодно даже среди кучи навоза. Но пусть попробуют. Попробуют и потерпят неудачу, и так будет лучше для всех.

Мы добрались до барбакана¹², где дворцовая стража остановила телегу. Луиза помогла мне слезть.

– Чем ты здесь занимаешься? – спросила она восхищенно. Я не благородного происхождения, это было очевидно, но даже в должности служанки-простолюдинки знатной дамы было что-то привлекательное.

– Я ассистентка дирижера и учительница музыки, – ответила я, сделав книксен. Я все еще некрепко стояла на ногах.

– Мисс Домбег? Вы играли на похоронах, – закричал Сайлас. – Нас с Томасом вы расстрогали до слез!

¹² Барбакан (*средневеков. лат.* barbescana – «внешнее укрепление города или крепости»; *араб.* bab-khanah – «надвратная башня», «привратное укрепление») – форт, предназначенный для дополнительной защиты входа в крепость.

Я грациозно склонила голову, и в ушах зашумело, словно со звоном отпустили тетиву, головная боль снова вспыхнула за глазами. Кажется, мое вечернее приключение еще не закончено. Я повернулась, чтобы зайти внутрь.

Сильная рука остановила меня. Это был Томас. Позади него Сайлас и Луиза болтали со стражниками, упрасывая их упомянуть при королеве имя братьев Бродвик, поставщиков крепкой шерсти. Томас отвел меня в сторонку и прошептал на ухо:

– Сайлас оставил меня наблюдать за вами, пока сам пошел за Луизой. Я видел идола квигов в вашем кошельке.

Мое лицо запылало. Мне было стыдно вопреки рассудку, словно виновной была я, а не человек, который рылся в вещах девушки в бессознательном состоянии.

Его пальцы впились мне в руку.

– Я встречал женщин, подобных вам. Червивые любительницы квигов. Вы не представляете, как близки были к тому, чтобы удариться головой во время приступа.

Он не мог подразумевать то, о чем я подумала. Я встретила с ним взглядом: его взгляд был ледяным.

– Женщины, подобные вам, исчезают в этом городе, – прорычал он. – Упрятанные в мешки и брошенные в воду. Никто не взывает к справедливости, потому что они получают по заслугам. Но мой зять не может убить и грязного квига в своем доме, чтобы не...

– Томас! Мы уходим, – позвала Луиза позади нас.

– Святой Огдо призывает вас раскаяться, мисс Домбег. – Он грубо отшвырнул мою руку. – Молитесь о добродетели и молитесь, чтобы мы снова не встретились. – Он ушел вслед за своими братом и сестрой.

Я покачнулась, едва устояв на ногах.

Я посчитала их добрыми, несмотря на предрассудки, но Томас испытывал соблазн разбить мою голову о брусчатку просто за то, что нашел у меня фигурку квигутла. Сама статуэтка не несла никакого символического значения, ведь так? Могла ли я случайно выбрать идол какого-то извращения? Может быть, Орма знает.

Я, шатаясь, прошла через сторожку, прикладывая все силы, чтобы добраться до дворца, потому что у меня ужасно тряслись колени. Стражники спросили, нужна ли мне помощь – должно быть, я выглядела ужасно – но я отмахнулась от них. Я поблагодарила всех святых, которых вспомнила, и помолилась за то, чтобы источником сияния башенок замка был свет факелов и луны, а не еще один приближающийся обморок.

6

Какой бы больной и уставшей я ни была, я не могла откладывать разговор с Фруктовой Летучей Мышью. Я бросила валик на пол, упала на него и постаралась войти в сад. Понадобилось несколько минут, прежде чем мои зубы разжались, и я достаточно расслабилась, чтобы представить себе это место.

Фруктовая Летучая Мышь висел на дереве в своей роще. Я бродила вокруг ствола, прокладывая путь между изогнутыми корнями. Казалось, он спал. На вид ему все еще было лет десять или одиннадцать, но его волосы были собраны в узлы, как в моем видении. Видимо, мозг изменил гротеск, чтобы тот соответствовал новой информации.

Я взглянула в его лицо и ощутила укол грусти. Я не хотела запирать его, но не видела других вариантов. Видения были опасны, я могла удариться головой, задохнуться, выдать себя. Мне нужно было защищаться всеми возможными способами.

Один глаз Мыши открылся, а потом снова закрылся. Негодяй не спал, он просто хотел, чтобы я так подумала.

– Фруктовая Летучая Мышь, – сказала я, пытаюсь говорить строго, а не испуганно. – Спустись, пожалуйста.

Он спустился, скромно отводя глаза. Наклонился, поднял горсть фиников из аккуратных кучек и протянул мне. В этот раз я приняла подарок, пытаюсь не коснуться его руки.

– Не знаю, что ты сделал, – медленно сказала я. – Не знаю, было ли это намеренно, но ты... думаю, ты спровоцировал видение.

Он встретился со мной взглядом. Проницательность его черных глаз пугала меня, но в них не было злобы. Я собралась с духом и сказала:

– Что бы ты ни делал, пожалуйста, остановись. Когда ко мне приходит видение против моей воли, я падаю. Для меня это опасно. Пожалуйста, больше не делай так, или мне придется запереть тебя.

Его глаза расширились, и он яростно закачал головой. Я надеялась, что он протестовал против изгнания из сада, а не отказывался подчиняться.

Он забрался обратно на инжирное дерево.

– Доброй ночи, – сказала я, надеясь, что он знает: я не злюсь. Он обхватил себя руками и сразу погрузился в сон.

Мне нужно было проверить весь сад. Я посмотрела в другой конец, ощущая усталость в самой душе и нежелание начинать. Может, я могу пропустить уход за остальными хоть раз? Все выглядело умиротворенно. Темная зеленая листва казалась такой красивой, цветной снег кружился вокруг нее.

Цветной снег?

Я посмотрела на небо. Надо мной плотно сгрудились тучи, а вокруг них порхали облака странных хлопьев, розовых, зеленых, желтых, больше похожих на конфетти, чем на снег. Я протянула руки, чтобы коснуться их. Они опустились на меня, мерцающие и воздушные. Я медленно покружилась, вздымая ногами вихри.

Я поймала одну снежинку на язык. Она затрещала во рту, как крошечная грозовая буря, и на одно мгновение я оказалась в небесах, закричала и упала на землю, спрятавшись за туром.

Снежинка растаяла, и я снова вернулась в сад, мое сердце гремело в груди. На это короткое напряженное мгновение я была кем-то другим. Я видела весь мир, раскинувшийся подо мной, в непостижимых подробностях: каждую травинку на равнине и щетинку на носу тура, ощущала температуру земли под его копытами, движение потоков воздуха.

Я попробовала еще одну снежинку и на протяжении секунды лежала на вершине горы на ярком солнце. Моя чешуя сияла, во рту был привкус пепла. Я подняла свою змеиную шею.

И затем снова вернулась в рощу Фруктовой Летучей Мыши, потрясенная, моргая и заикаясь. Это были воспоминания моей матери, как и в тот раз, когда я впервые увидела Орму в его истинном облике. Я знала из этого воспоминания, что мама пыталась оставить мне и другие. Очевидно, у нее получилось.

Почему это происходило сейчас? Мог ли стресс двух последних дней запустить еще один круг изменений? Мог ли Фруктовая Летучая Мышь повлиять на это?

Стремительное падение замедлилось. На земле отдельные снежинки плыли друг к другу и сливались, словно разбросанные капли ртути. Они превращались в плоские куски пергамента, их носило на ветру.

Я не могла допустить того, чтобы воспоминания моей матери оказались раскиданы по моей голове: если опыт чему-то и научил меня, так это тому, что мои особенности проявлялись внезапно, помимо моей воли. Я собрала обрывки пергамента, наступая на них, когда они проносились мимо, бегая за ними по болотам Пандовди и по Трем дюнам.

Мне нужно было их где-то хранить. Появилась жестяная коробочка. Я открыла ее, и листы, хотя я не успела ни о чем подумать, вырвались из моей руки и, словно в трюке с перетасовкой карт, улеглись пачкой в коробку. Со звоном крышка за ними закрылась.

Это было подозрительно легко. Я заглянула в коробку: воспоминания расположились как карточки в картотеке, каждый лист был помечен в углу странным острым почерком, который, наверное, принадлежал маме. Я пролистала воспоминания: казалось, они самостоятельно улеглись в хронологическом порядке. Я вытащила один листок. Он был подписан сверху, «Поздравление Ормы с 59-м днем вылупления», но остальная часть страницы была пустой. Название заинтриговало меня, но я отложила листик.

Некоторые карточки на самом дне коробочки были ярко раскрашены. Я вытянула розовый и поразилась тем, что он не пустой. На нем была записана одна из маминых песен ее паучьим почерком. Я уже знала эту песню, я знала все ее песни, но было и сладко, и горько видеть их.

Она называлась «Моя вера не должна быть легка». Я не могла удержаться. Конечно же, это были воспоминания о написании этой песни. Снежинки растворились на моем языке, я решила, что тот же принцип сработает. Страница захрустела и заискрилась у меня во рту, словно шерстяное одеяло зимней ночью. Как ни абсурдно, на вкус она была клубничной.

Мои руки порхают над страницей, в каждой тонкая кисточка, одна для точек, другая для мазков и дуг, сплетающихся друг с другом, словно я плету бобинное кружево¹³, а не пишу музыку. Эффект каллиграфичен и весьма удовлетворителен. За моим открытым окном поет жаворонок, а левая рука всегда проказливее второй – пользуется моментом, чтобы написать ноты в контрапункт основной мелодии (с небольшим изменением ритма). Это сказочно. Как и многое, когда мы этого не замечаем.

Я узнаю его походку, знаю как собственный пульс – возможно, лучше, потому что мой пульс совершал недавно невообразимые вещи при звуке этих шагов. Прямо сейчас он семь ударов против трех шагов. Это слишком быстро. Доктор Карамус не был обеспокоен, когда я рассказала ему. Он не поверил, когда я сказала, что не понимала этого.

Я встаю на ноги, сама не осознавая как, до того как раздается стук в дверь. Мои руки все в чернилах, а на голос нельзя положиться, и все же я кричу:

– Заходи!

Клод заходит, на его лице оттенок угрюмости, который появляется, когда он старается не надеяться. Я хватаю тряпку, чтобы вытереть руки и скрыть смятение. Это смешно или страшно? Я понятия не имела, что эти два чувства могут быть так близки.

¹³ Бобинное кружево, или брюггское кружево – плетется на бобинах (катушках) таким образом, что бобины перекидываются друг через друга сверху, снизу и вокруг, сплетая и перекручивая нитки по рисунку.

– Я слышал, ты хотела меня видеть, – бормочет он.

– Да. Прости, мне... мне стоило ответить на твои письма. Мне пришлось хорошо подумать над этим.

– Над тем, сможешь ли ты мне написать эти песни? – спрашивает он, и его голос звучит как-то по-детски. Капризно. Что раздражает, с одной стороны, и умиляет, с другой. Он прозрачно прост и неожиданно сложен. И лучисто прекрасен.

Я передаю ему страницу и смотрю, как его лицо смягчается в удивлении. Мои руки сразу подлетают к груди, словно могли бы сжать сердце и замедлить его бег. Он передает песню обратно мне, и его голос дрожит.

– Ты споешь ее?

Я бы не хотела играть ее для него на флейте, но он явно хочет услышать слова и мелодию вместе.

*Моя вера не должна быть легка,
Небеса не обретают без боли,
Мои дни не пройдут мимолетно,
Мое бытие не осыплется прошлогодним снегом,
Не позволяй мне тонуть в грусти,
Моя надежда, свет мой, святая любовь.
Лишь в любовь я верю.*

Он пристально смотрит на меня, пока я произношу последние строчки, и я боюсь, что голос дрогнет. У меня и так осталась крупинка воздуха, чтобы произнести слово «верю». Я вдыхаю, но воздух словно находит на преграду на пути, получается что-то вроде неровного вздоха после слез.

Эти эмоции так сложны, что сводят с ума. Это как заметить добычу, которую сложно поймать, после долгого дня безрезультатной охоты – ощущаешь и восторг от волнительной погони, и страх, что можешь остаться ни с чем. Но ты, без сомнения, попытаешься, поскольку от этой попытки зависит твое существование. Еще я вспоминаю первый раз, когда прыгнула с морского обрыва, до самой последней секунды прижимая крылья к себе, а потом расправляя над поднимающимися волнами, вне досягаемости пенных пальцев, смеясь над опасностью, в ужасе от того, как близко я подобралась.

– Я так рада, что ты здесь, – говорю я. – Теперь я понимаю, что сильно огорчила тебя. Я не хотела.

Клод потирает затылок и морищет нос, собираясь сказать, что он не расстроен. Думаю, это называется бравадой, и она свойственна не столько юристам, сколько вообще мужчинам, а эта комбинация к браваде приводит неизбежно. Обычно я пожимаю плечами, но сегодня мне нужно, чтобы он говорил искренне. Сегодня начало и конец. Я тянусь и беру его за руку.

Этот разряд, что мы оба ощущаем – ведь я вижу, что он чувствует его тоже, – словно электричество, но это метафора, которую я никогда не смогу ему передать, концепт, который нельзя представить. Один из слишком многих, увы, но я надеюсь – нет, ставлю на свою жизнь, – что в конце концов это станет неважным. Того, что между нами, должно хватить.

– Линн, – хрипло говорит он, и его челюсть слегка дрожит. Он тоже испуган. Почему это пугает? Какова причина? – Линн, – снова начинает он, – когда я ошибочно решил, что ты больше не хочешь меня видеть, я почувствовал, что ступил с края обрыва в воздух: земля приблизилась ко мне на пугающей скорости.

Метафора неуклюжая, но эмоции по своей природе не позволяют ему выразиться изящнее. Я не смогла адекватно овладеть этим искусством, но эти сравнения всегда трогали меня

своей точностью. Я хочу закричать: «Эврика!» – но вместо этого говорю: «Я тоже это чувствовала! Именно это!»

Другой рукой мне хочется коснуться его лица, и я позволяю ей это сделать. Он прижимается к ней, словно кошка.

И тогда я понимаю, что поцелую его, и сама эта мысль наполняет меня... это словно я только что решила предсказательное уравнение Сквивера, или даже лучше, словно я постигла Первое Уравнение, увидела числа за луной и звездами, за горами, историей, искусством, смертью и желанием. Словно мое понимание настолько велико, что могло бы охватить миры с начала и до конца.

И мне нужно посмеяться над этим тщеславием, потому что я даже не понимаю настоящее, и в мире нет ничего больше этого поцелуя.

Воспоминание закончилось, выкинув меня не в сад, а в реальную жизнь: холодный твердый пол, мятая рубашка, горький привкус во рту, и я одна. Я почувствовала головокружение, дезориентацию и... омерзение. Это моего отца она целовала.

Я прислонила голову к кровати, медленно дыша, пытаюсь избавиться от этих ужасных эмоций. Но я даже не могу заставить себя взглянуть на них.

Пять лет я подавляла все мысли о ней. Амалин Дуканахан из моих детских фантазий заменила пустота, пропасть, дыра, через которую задул холодный ветер. Я не могла заполнить это место Линн. Это имя ничего для меня не значило, это был заменитель, равный нулю.

Благодаря этому единственному воспоминанию я узнала о ней в тысячу раз больше. Я узнала, каково ей было держать ручку, как быстро билось ее сердце при виде моего отца, как красивые звуки растрогали ее. Я знала, что она чувствовала, я была ею и ощутила это сама.

Глубина видения должна была вызвать сострадание, конечно же. Мне стоило бы ощутить какую-то связь, радость от узнавания, теплую, сияющую решимость или спокойствие. По крайней мере, что-то хорошее. Ведь неважно, что именно?

Она была моей матерью, святые Небеса!

Но я не чувствовала никакой связи. Я видела эмоции издалека; видела, как плохо мне будет, если я приму их; и подавила их с такой силой, что теперь вообще ничего не чувствовала.

Я поднялась и, шатаясь, прошла в другую комнату. На моих маленьких часах стрелки показывали два часа после полуночи, но мне было все равно, разбужу я Орму или нет. Он заслужил ночной кошмар сегодня. Я сыграла наш аккорд, а затем еще раз, более настойчиво.

Неожиданно громко раздался хриплый голос Ормы.

– Я гадал, вспомнишь ли ты про меня. Почему ты не пришла в город?

Я пыталась контролировать свой голос.

– Думаю, ты не волновался.

– Волновался о чем?

– Один из моих гротесков вел себя странно. Я собиралась выбраться в город ночью, но до тебя я не дошла. Ты не думал, что что-то могло случиться?

На мгновение повисла тишина, пока он размышлял над этим.

– Нет. Думаю, ты собираешься сказать мне, что что-то случилось.

Я вытерла глаза. У меня не было сил на споры. Я рассказала ему обо всем произошедшем: странном поведении Фруктовой Летучей Мыши, видении, маминых воспоминаниях. Он так долго молчал после того, как я закончила рассказ, что я постучала по глазу котенка.

– Я здесь, – сказал он. – Нам повезло, что с тобой не случилось ничего непоправимого во время видения.

– Что думаешь насчет поведения Фруктовой Летучей Мыши? – спросила я.

– Кажется, он знает о тебе, – сказал Орма, – но я не понимаю, почему произошло это изменение. Джаннула видела тебя изначально.

– И она стала так сильна и восприимчива, что от нее было сложно избавиться, – сказала я. – Возможно, безопаснее запереть Фруктовую Летучую Мышь сейчас, пока я еще могу.

– Нет, нет, – сказал Орма. – Если он подчинится твоим просьбам, он может стать ресурсом, а не угрозой. На такое количество вопросов еще нет ответов. Почему ты его видишь? Как он видит тебя? Не теряй такую возможность. Ты можешь вызывать видения: поищи его.

Я пробежала пальцами по клавишам спинета. Последнее предложение было излишним, но и полностью избавиться от Фруктовой Летучей Мыши тоже казалось неправильным.

– Возможно, он найдет способ в конце концов поговорить с тобой, – сказал Орма.

– Или, возможно, я однажды поеду в Порфири, выслежу его и пожму ему руку, – сказала я, слегка улыбаясь. – Но только после визита Ардмагара Комонота. До этого я буду слишком занята. Виридиус ужасен, когда дело касается придумывания дел.

– Отличная идея, – сказал Орма, определенно полагая, что я говорю серьезно. – Я мог бы поехать с тобой. Порфирийский Библиагатон стоит увидеть.

Я широко улыбнулась при мысли о его одержимости библиотеками, и все еще улыбалась, когда заползла в кровать. Я не могла заснуть. В мыслях я путешествовала со своим дядей, встретила Фруктовую Летучую Мышь в настоящем мире и, наконец, получила несколько ответов.

7

Между поздним походом в постель и ранним подъемом я слишком мало спала. Я стойчески выполнила свои обязанности, но Виридиус видел, что мне сложно.

– Я вычищу твои ручки, – сказал он, забирая перо из моей слабой руки. – Тебе нужно лечь на диван и поспать полчаса.

– Маэстро, уверяю вас, я... – Гигантский зевок прервал мой аргумент.

– Конечно, да. Но ты нам нужна со всеми своими способностями для Голубого салона сегодня вечером, и я не уверен, что ты внимательно слушала мою диктовку. – Он посмотрел на пергамент, где я записывала его композиторские идеи, пока он напевал их. Его брови опустились, и он стал слегка фиолетовым. – Ты записала три. Это гавот¹⁴. Танцоры будут спотыкаться друг о друга.

Я собиралась ответить ему, но уже добралась до дивана. Он затянул меня, и мое объяснение превратилось в сон, в котором святой Полипус танцевал гавот в три четверти с идеальной легкостью. Но у него было три ноги.

Этим вечером я прибыла в Голубой салон рано, в надежде, что смогу засвидетельствовать свое почтение, встретиться с протеже Виридиуса и уйти до того, как придет большая часть гостей. Я сразу поняла свою ошибку: Виридиус еще не пришел. Конечно, его не было, он появится позже, старый пижон. Я не получу похвалу за то, что пришла, если сбегу до его прибытия. Я только продлила свое ощущение неловкости.

Мне всегда были чужды вечеринки, еще до того, как я узнала, сколько всего нужно скрывать. Большие группы малознакомых людей заставляли меня сразу же замыкаться в себе. Я готовилась стоять одна в углу, запихивая масляные пирожные в рот весь вечер.

Даже Глиссельда еще не появилась. Вот как рано по глупости я пришла. Слуги зажигали свечи в подсвечниках и расправляли скатерти на столиках, бросая на меня любопытные взгляды. Я прошла в дальнюю часть салона, мимо обитых стульев официальной гостиной, к месту для танцев с паркетным полом. Музыкальные установки и стулья были свалены в углу. Я расставила их для квартета, надеясь, что делаю что-то полезное, а не из ряда вон выходящее.

Прибыли пять музыкантов – Гунтард, две скрипки, волынка и барабан, – и я поставила пятый стул. Они, казалось, были рады меня видеть и удивились тому, что учительница музыки расставляет стулья. Может, я смогу весь вечер стоять в углу, переворачивать страницы и приносить эль.

Вино то есть. Это дворец, а не «Солнечная обезьяна».

Придворные прибывали, разодетые в роскошные шелка и парчу. Я надела свое лучшее платье, из темно-голубой каламанко¹⁵ с неброской вышивкой по краям, но то, что считалось роскошью в городе, здесь было лохмотьями. Я прижалась к стене и надеялась, что никто не

¹⁴ Гавот (*фр.* gavotte, от *прованс.* gavoto, *букв.* – танец гавотов, жителей области Овернь во Франции) – французский танец. Тактовый размер гавота – Allabreve (2/2, 4/4), что значит, что счет ведется не четвертями, а половинными нотами. Таким образом, реальное исполнение медленнее, чем при записанном героиней размере в три четверти.

¹⁵ Каламанко (*англ.* calamanco) – это шерстяная ткань с блестящей глянцево-поверхностью, часто с клетчатым узором. Распространение ткань получила в XVI в. Уцелевшие фрагменты часто встречаются в стеганых одеялах той эпохи.

заговорит со мной. Я знала некоторых из этих придворных: дворец нанимал профессиональных музыкантов, таких как Гунтард и его группа, но многие молодые джентльмены любили заниматься музыкой. Они обычно присоединялись к хору, а вот тот светловолосый самсамиец напротив меня играл на виоле да гамба¹⁶.

Его звали Джозеф, граф Апсига. Он заметил мой взгляд и пробежал рукой по волосам цвета пшеницы, словно красуясь. Я отвернулась.

Самсамийцы славятся своей аскетичностью, но даже они затмевали меня. Их торговцы носили в городе коричневый, придворные – дорогой черный, умудряясь быть одновременно строгими и элегантными. Еще самсамийцы отдавали предпочтение крупным кружевным рукавам, выглядывающим из-под манжет, и твердым белым воротничкам. Мы, гореддийцы, не умели так хорошо распознавать дорогие ткани.

Придворные Ниниса, в отличие от самсамийцев, пытались сочетать в своем облачении все цвета и украшения – вышивку и ленты, разноцветные штаны и яркий шелк, выглядывающий из прорезей в рукавах. Их страна находилась далеко на мрачном юге, там почти не было ярких цветов, кроме тех, что они носили на себе.

Я заметила в толпе нинианскую острую шапочку ярко-зеленого цвета на пожилой леди. На носу у нее были очки с толстыми стеклами, из-за чего ее глаза казались выпученными, а сама она – раздраженной. Глубокие морщины у широкого рта делали ее похожей на огромную осуждающую жабу.

Еще она напоминала мисс Суетливость, старая бедняжка.

Нет, это точно была мисс Суетливость. Этот сердитый взгляд не мог принадлежать никому другому. Мое сердце застряло в горле. Мне придется все же съездить в Порфири. Один из моих гротесков стоял прямо посреди комнаты!

Мисс Суетливость со своим маленьким ростом затерялась в роще придворных дам, но несколько мгновений спустя появилась рядом с рыжим придворным из Ниниса. Я начала пробираться к ней.

Но далеко мне уйти не удалось, потому что в этот самый момент прибыли вместе принцесса Глиссельда и принц Люсиан. Толпа расступилась перед ними, образовав широкий проход, и я не посмела пересечь его. Принцесса светилась золотым и белым, парча платья была украшена мелким жемчугом. Она сияла, рассматривая окружающих, затем позволила придворному-нининцу проводить ее на свое место. Принц Люсиан в красном камзоле королевской стражи не позволил себе расслабиться, пока обожающий взгляд толпы не проводил его кузину в другой конец зала.

Принцесса Глиссельда заняла диван полуночного синего цвета, где не смел сидеть никто другой, и начала болтать со всеми вместе и с каждым по отдельности. Люсиан Кигтз не сел. Он стоял чуть в стороне, осматривая комнату. Казалось, он никогда не забывал о долге. В соседней комнате музыканты наконец заиграли не лишнюю приятности сарабанду¹⁷. Я искала мисс Суетливость, но она исчезла.

– Другие могут сомневаться, что это был дракон. Я не сомневаюсь, – произнес кто-то позади меня с легким самсамийским акцентом.

– О, как ужасно! – ответила молодая леди.

Я повернулась и увидела Джозефа, графа Апсигу, рассказывающего историю трем гореддийским придворным дамам:

¹⁶ Виола да гамба (*итал.* viola da gamba – ножная виола) – старинный струнный смычковый музыкальный инструмент семейства виол, близкий по размеру и диапазону современной виолончели. На виоле да гамба играли сидя, удерживая инструмент между ног или положив боком на бедро, – отсюда название.

¹⁷ Сарабанда (*исп.* zarabanda) – старинный испанский народный танец, исполняется с роялем и струнными инструментами. Из подвижного и карнавального перешел в род торжественного танца-шествия. Позднее этот танец получил более благородный и величественный характер.

– Я был частью охотничьей группы, грауслийн. Мы только зашли в Королевский лес, и собаки разбежались во всех направлениях, словно там было двадцать оленей, а не один. Мы разделились, некоторые поехали на север, другие – на запад, и каждая группа считала, что принц Руфус был с другой, но, когда мы воссоединились, его нигде не оказалось.

– Мы искали его до вечера, а потом позвали королевскую стражу и всю ночь провели в поисках. Его собственная собака – красивая пегая охотничья по кличке Уна – нашла его, лежащего на животе в топи поблизости.

Троица ахнула. Я развернулась и внимательно посмотрела в лицо графа. У него были светло-голубые глаза, кожа без единого пятнышка или морщинки, так что его возраст оставался загадкой. Он определенно пытался произвести на дам впечатление, но, кажется, говорил правду. Мне не нравилось вмешиваться туда, куда меня не приглашали, но мне нужно было знать.

– Вы уверены, что его убил дракон? В топи вы нашли прямые улики?

Джозеф направил на меня всю силу своей красоты. Он поднял подбородок и улыбнулся, как святой в деревенской церкви, сияя благочестием и вежливостью. Хор ангельских дам вокруг него уставился на меня и зароптал, зашелестели шелковые платья.

– Кто еще мог убить его, учительница музыки?

Я сложила руки на груди, защищаясь от его очарования.

– Бандиты, похитившие голову ради выкупа, например?

– Требований выкупа никто не предъявил. – Он ухмыльнулся, его херувимы ухмыльнулись вместе с ним.

– А как же сыновья святого Огдо, пытавшиеся разжечь драконофобию до приезда Ардмагара?

Он откинул голову назад и рассмеялся. У него были очень белые зубы.

– Ладно, Серафина, ты еще не предположила, что он увидел красивую пастушку и потерял голову от любви. – Его небесная армия сопровождала этот комментарий симфонией хихиканья.

Я собралась отвернуться – он явно ничего не знал, – когда знакомый баритон присоединился к разговору:

– Мисс Домбег права. Вполне вероятно, что это сделали сыновья.

Я отступила, позволяя принцу Люсиану беспрепятственно встать лицом к Джозефу.

Улыбка Джозефа померкла. Принц Люсиан никак не отреагировал на неприличное предположение о своем дяде Руфусе, но он определенно все слышал. Граф преувеличенно низко поклонился.

– Прошу прощения, принц, но почему бы вам не схватить сыновей и не запереть их, если вы так уверены, что они виновны?

– Мы никого не берем под стражу без доказательств, – ответил принц, словно его не побеспокоил этот выпад. Но сам три раза быстро топнул левой ногой. Я заметила это и задумалась, совершала ли я сама такие неосознанные движения. Принц продолжил тем же беззаботным тоном: – Безосновательные аресты только подбросят дров в костер, привлекут новых сторонников конфликта. Кроме того, это противоречит принципу: «Да будет ищущий справедливости справедлив».

Я взглянула на него, потому что узнала цитату.

– Понтеус?

– Он самый, – с одобрением кивнул Люсиан.

Джозеф ухмыльнулся:

– При всем уважении, но наш правитель, регент Самсама, никогда не позволил бы безумному порфирийскому философу влиять на свои решения. И он не позволил бы драконам совершить государственный визит в Самсам – конечно же, я не хотел оскорбить вашу королеву.

– Возможно, поэтому регент не сторонник мира, – сказал принц спокойным голосом, снова постукивая ботинком. – При этом он совсем не стесняется получать выгоду от нашего Мирного Соглашения, основанного на принципах безумного порфирийца, сам не рискуя ничем. И он будет здесь во время упомянутого государственного визита, что для меня лишняя головная боль – и я говорю это со всей любовью и уважением в мире.

Какой бы увлекательной ни была это вежливая светская перепалка, внезапно я заметила мисс Суетливость на другом конце смежной комнаты. Она приняла стакан золотистого портвейна из рук пажа. Я не могла до нее добраться, не протиснувшись через толпу танцующих, а они только начали вольту¹⁸, так что сейчас будет множество летающих конечностей. Я осталась стоять на своем месте, но не сводила с нее взгляда.

Труба огласила элегантное завершение этого жизнерадостного танца. Музыканты внезапно замолкли, и несколько человек столкнулось на танцевальном полу. Я так пристально наблюдала за мисс Суетливость, что ничего этого не заметила, и в результате осталась стоять одна посередине широкого прохода, когда толпа расступилась.

Принц Люсиан схватил меня за правую руку и оттащил с дороги.

В дверном проеме стояла сама королева Лавонда. Ее лицо покрылось морщинами, но спина не согнулась под тяжестью лет. Стальной хребет, как говорили в народе, ее осанка была тому подтверждением. Она все еще пребывала в белом трауре, в память о сыне, от шелковых туфель до шали и вышитого чепчика. Роскошные рукава тянулись по полу.

Глиссельда соскочила со своей кушетки и сделала реверанс.

– Бабушка! Какая честь!

– Я не останусь, Сельда, я здесь не ради себя, – ответила королева. Их голоса были очень похожи, но голос старой королевы был резче от привычки к приказному тону. – Я привела тебе гостей, – сказала она, приглашая в зал группу из четырех саарантраи. Среди них была Эскар. Они стояли, напряженные, как по стойке «смирно». Они не побеспокоились о праздничных нарядах, а блеск их колокольчиков был слишком тусклым, их сложно было принять за настоящие украшения. Эскар снова была в порфирийских брюках. Все уставились на них.

– О! – взвизгнула Глиссельда. Она снова сделала реверанс, пытаясь вернуть самообладание. Когда девушка поднялась, ее глаза все еще были удивленными. – Чем мы обязаны этому эм...

– Мирным Договором, подписанным почти сорок лет назад, – сказала королева, которая как будто возвысилась, обращаясь ко всем присутствующим. – Я считала, возможно ошибочно, что наши народы просто привыкнут друг к другу после прекращения военных действий. Разве мы, как масло и вода, не можем смешаться? Ошиблась ли я, когда ждала, что возобладают разум и добропорядочность или же стоило закатать рукава и только посеять их семена?

Люди в комнате выглядели смущенными, а драконы – неприкаемыми.

– Глиссельда, поухаживай за своими гостями! – рявкнула королева и вышла из комнаты.

Принцесса определенно была напугана. Рядом со мной принц Люсиан переступил с ноги на ногу и пробормотал:

– Ну, давай же, Сельда.

Она не могла его слышать, но подняла подбородок, как будто вняла добрым словам, и попыталась соответствовать властному виду своей бабушки. Она направилась к Эскар и расцеловала ее в обе щеки. Маленькой принцессе пришлось подняться на цыпочки, чтобы дотянуться до нее. Эскар грациозно приняла поцелуи, склонив голову, и все заплодировали.

¹⁸ Вольта (*итал.* volta, от *итал.* voltare – «поворачивать»; *фр.* volte) – парный прыжковый танец, при исполнении которого мужчина выполняет элемент поддержки – поворачивает в воздухе танцующую с ним женщину.

Потом вечер продолжился. Саарантраи собрались вместе с одной стороны, словно стадо перепуганного скота, их колокольчики жалобно звенели. Другие гости обходили их по широкой дуге.

Я тоже держалась на расстоянии. Эскар была посвящена, но я не хотела рисковать – другие могли меня почувствовать. Я не знала, как они могли бы поступить в таком случае. Меня могли бы принять за ученую с разрешением не носить колокольчик, или Эскар могла бы бес тактно заявить о моем происхождении, и ее услышала бы вся комната.

Она точно этого не сделает. Орма рассказал мне, что межвидовое скрещивание так разрушало ард, что ни один дракон не подумал бы о том, что мое существование вообще возможно, и тем более не заговорил бы об этом.

– Осмелишься пригласить ее на танец? – произнес джентльмен позади меня, прервав мои размышления. На мгновение я подумала, что он имел в виду меня.

– Кого из них? – спросил вездесущий граф Апсига.

– На твой выбор, – засмеялся его собеседник.

– Нет, я имею в виду, кто из них «она»? Они такие мужиковатые, эти самки драконов.

Я ошетибилась при этих словах, но почему? Они говорили не обо мне – но лишь отчасти.

– Настоящая беда с этими женщинами-червяками, – продолжил Джозеф, – это их ужасно неуместное расположение зубов...

– Расположение зубов? – переспросил его друг, который соображал медленно.

Я почувствовала, что краснею.

– Зу-бы, – по слогам повторил Джозеф. – В неправильных местах, если понимаешь, о чем я.

– Зубы в... Оу! Ой!

– «Ой» – это слабо сказано, друг мой. Их самцы не лучше. Представь гарпун! Они мечтают только о том, чтобы насадить на него наших женщин и вырвать...

Я больше не могла терпеть. Я сбежала, несясь по танцевальной площадке, пока не уткнулась в окно. Я открыла его дрожащими руками, мне был отчаянно необходим глоток воздуха. Закрыв глаза, я представила спокойствие моего сада, пока мое смущение не сменила печаль.

Это была «джентльменская» шутка, но все они были подобными, такое рассказывали бы обо мне, если бы знали.

Чертов Виридиус. Я не могла тут оставаться. Я скажу ему завтра, что была здесь. Свидетели этому есть. Но по воле святых покровителей комедии я встретила старика в дверном проеме на выходе. Он преградил мне путь тростью.

– Не может быть, чтобы ты уже уходила, Серафина! – воскликнул он. – Еще даже десяти нет!

– Мне жаль, сэръ... – Мое горло сжалось. Я беспомощно махнула в сторону собравшихся, надеясь, что он не заметит слезы в моих глазах.

– Ларс тоже не придет. Он так же застенчив, как и ты, – сказал Виридиус необычно нежным тоном. – Ты уже подошла к принцессе? Нет? Ну, по крайней мере, это тебе сделать стоит. – Он взял меня за правую руку своей забинтованной ладонью, другой опираясь на трость.

Маэстро направил меня к кушетке принцессы Глиссельды. Она сияла, как звезда, на голубой обивке, а придворные кружили вокруг нее подобно планетам. Мы дождались своей очереди, а затем Виридиус потянул меня вперед.

– Инфанта, – сказал он, поклонившись, – этой очаровательной девушке придется много работать – на меня, – но я дал ей понять, не таясь, как непростительно грубо покинуть зал, не подойдя к вам.

Глиссельда засияла, глядя на меня.

– Ты пришла! Мы с Милли делали ставки, появишься ты или нет. Теперь я должна ей лишний выходной, но я рада. Ты встречалась с моим кузенком Люсианом?

Я открыла рот, чтобы сказать «да», но она уже звала принца к себе.

– Люсиан! Ты гадал, с чего у меня вдруг появилось интересное мнение о драконах – вот она, моя советница по драконьим делам!

Казалось, принц напрягся. Сначала я решила, будто он оскорбился, что я была груба, не осознавая этого, но потом я заметила, что он бросает взгляды на Эскар и ее маленькую группу, бесприютно стоящую в углу. Возможно, он чувствовал себя неловко рядом с принцессой, так громко рассуждающей о «драконьих делах» рядом с настоящими живыми драконами. К тому же Глиссельда делала вид, что не видит их.

Принцесса казалась настолько озадачена неловкостью, повисшей в воздухе, словно это был запах, которого она раньше не встречала. Я взглянула на принца Люсиана, но он смотрел в сторону. Смела ли я сказать то, что не мог он?

Именно страх позволял Томасам Бродвикам этого мира процветать: страх высказаться, страх перед самими драконами. Последнее ко мне не относилось, а первое, конечно, должна победить совесть.

Я выскажусь ради Ормы.

Я сказала:

– Ваше Высочество, простите мою прямогу. – Я глазами указала в сторону саарантраи. – Но если бы вы пригласили саарантраи присесть рядом с вами или даже потанцевать, это бы выгодно подтвердило вашу репутацию доброй натуры.

Глиссельда замерла. Теоретическое обсуждение драконов было одним делом, взаимодействие с ними – чем-то совершенно иным. Она бросила на кузена паникующий взгляд.

– Она права, Сельда, – сказал он. – Двор смотрит на наши действия.

– Знаю! – заволновалась принцесса. – Но что я... как я... я просто не могу...

– Ты должна, – сказал Люсиан твердо. – Ардмагар Комонот прибывает через восемь дней, ведь так? Мы не можем опозорить бабушку. – Он одернул рукава камзола, расправляя их. – Я пойду первым, если так тебе будет легче.

– О, спасибо, Люсиан, конечно, – выпалила она с видимым облегчением. – Он настолько в этом лучше меня, Фина... Вот почему наша свадьба будет такой выгодной. Он понимает практичность и обычных людей. Ведь он все-таки бастард.

Сначала я поразились, что она так непринужденно назвала своего жениха бастардом, словно для него это не имело значения. Но потом я увидела его взгляд. Это имело для него значение. Огромное, но, видимо, он считал, что не имеет права высказываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.